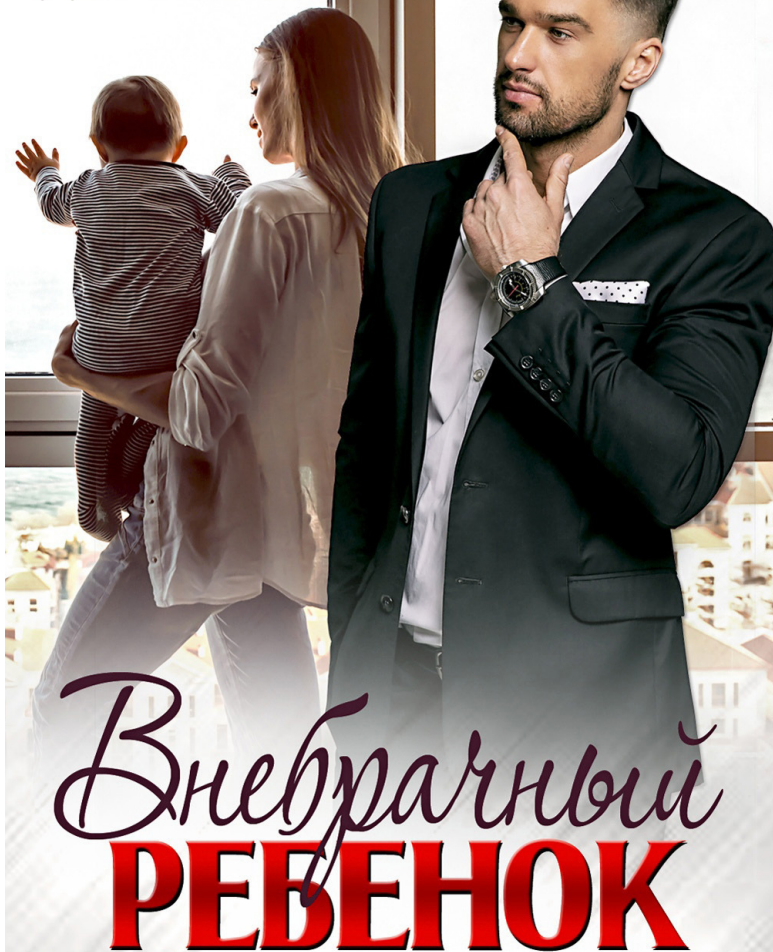

СЛАВА
ДОРОНИНА

Внебрачный
РЕБЕНОК

Слава Доронина

Внебрачный ребенок

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68888352

Аннотация

– Полина, я же просила выпить таблетку перед тем как идти к нему в спальню! – заметалась Кристина по комнате, когда я сообщила о своей задержке. – Что теперь будет...

Сестру «выбрал» в жены влиятельный человек в городе, ее радости не было предела, пока Шалимов-старший не объявил, что невестка его единственного сына должна быть девственницей. Тогда Кристина уговорила меня занять ее место всего на одну ночь...

– Ничего не будет, – твердо произнесла я. – Никто об этом не узнает. Уеду из города. Справлюсь.

Так я думала, но не учла одного: с отцом своего ребенка мы встретимся через несколько лет, и теперь от этого человека будет зависеть наше с Мышкой будущее.

ОДНОТОМНИК. ХЭ.

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	22
5	27
6	34
7	40
8	46
9	53
10	61
11	68
12	75
13	82
14	87
15	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Слава Доронина

Внебрачный ребенок

1

Полина

– Ты такая красавица, Алён! – наши глаза встретились в отражении зеркала, и подруга расплылась в счастливой улыбке.

Визажист закончил свою работу, и мы приступили к платью, которое месяц назад вместе выбирали в одном из свадебных бутиков. Во всех организационных вопросах я была на подхвате и помогала подруге в промежутках между работой и заботой о Мышке.

– Я ужасно нервничаю, Поль. Он точно не передумает? Возле него всегда женщины. Карим купается в их внимании, а мне до сих пор кажется, что он встретит кого-то лучше меня...

– Глупости не говори, – я улыбнулась. – Он смотрит на тебя так, что... начинаешь верить в сказки, – лицо Алёны засияло.

Несколько лет назад я даже и подумать не могла, что обычная встреча на улице с милой, отзывчивой девушкой в день моего приезда в незнакомый город превратится в такую

сильную связь. Иногда мне казалось, что Алёну мне послал кто-то свыше, чтобы у нас с Мышкой был близкий и родной человек. Она единственная из моего окружения знала, что случилось в моей жизни. Я безуспешно пыталась об этом забыть. Да и разве это возможно, когда маленькая непоседа с черными волосами была ежедневным напоминанием?

– Почему ты не взяла Мышку? Она бы отлично провела здесь время. Вокруг столько детей. Я даже отсюда слышу их смех и голоса.

– Она приболела, Алён. Ефим Петрович и Мария Сергеевна сейчас с ней.

– Жаль, она так хотела фотографию с невестой... – вздохнула Алёна.

– Я пообещала ей, что ты возьмешь ее с собой на выездную фотосессию, когда вернетесь из путешествия. Кстати она кое-что для тебя передала, – я отошла к комоду, на котором стояла сумочка и достала из нее открытку.

Сафине нравилось делать поделки, их уже столько у нее набралось, что я всерьез задумывалась о ремонте на балконе. Пора оборудовать там нечто вроде маленькой мастерской со стеллажами для хранения вещей. Я не хотела выкидывать ни единого рисунка или поделки, сделанной руками дочери.

– Мышка растет такой выдумщицей, – расплылась Алёна в улыбке. – Жених и невеста на воздушном шаре... Я покажу Кариму. И обязательно заеду к вам перед вылетом в Испанию. Ох, как же я волнуюсь, – Алёна посмотрела на ме-

ня встревоженным взглядом. — Карим пригласил всех, кого только возможно...

Сильное и взаимное чувство между подругой и мужчиной, который так красиво добивался ее любви, зародилось на моих глазах. И сегодня моя душа радовалась за них.

— Все же он не последний человек в городе — это нормально, что он хочет поделиться своей радостью с окружающими, показать какая красивая у него жена.

— Вдруг я упаду или скажу что-то не так? Даже подумать об этом страшно...

— Ты сказочная, Алён! Все будет хорошо, — меня переполняло чувство восхищения. Такой красивой я ее еще никогда не видела. — Так, я в зал, а ты выдыхаешь и перестаешь нервничать. Да?

Подруга кивнула и мы обнялись.

Я стояла в компании незнакомых женщин и мужчин, сжимала в пальцах тонкую ножку хрустального фужера и сильно нервничала, хотя поводов совершенно для того не было. Срочных родов ни у одной из моих пациенток не предвиделось, в клинике дела шли хорошо, Мышка была с Ефимом Петровичем и Марией Сергеевной и, наверное, корпела над очередной поделкой; но что-то натягивалось внутри, словно струна, и эта тревога никак не покидала меня. Почему? Или же мне передавалось волнение Алёнки? А вдруг Мышке стало хуже? Я отошла в сторону, достала телефон и позвонила Марии Сергеевне. Убедившись, что с дочкой все хорошо, я

вернулась к гостям.

— Ну какая же красивая пара! — восхищенно перешептывались женщины.

— А я слышала, что Лейла Рустамовна невзлюбила невестку с первого взгляда...

Я закатила глаза и раздраженно выдохнула. Всегда найдется умник, который подольет масла в огонь. Неужели обсудить больше нечего?

Я отошла поближе к сцене, где молодые принимали поздравления, и решила: как только дождусь свадебного торта и раздобуду кусочек для Мышки, сразу поеду домой. Сердце было не на месте. Какая-то неведомая сила заставила меня оторвать взгляд от жениха с невестой, и посмотреть в сторону входа. Я заметила мощную и широкую фигуру с красивым букетом в руках, черную копну волос, и мое сердце учащенно забилось в груди. Поморгав, чтобы избавиться от наваждения, я сделала глоток шампанского, но видение не исчезло. В помещении стало вдруг очень душно, и закружилась голова, а я поняла, что меня так тревожило весь день.

Роберт...

Кто же знал, что муж сестры будет на свадьбе? Может быть это ошибка? Ведь я несколько раз сверяла списки вместе с Алёной, но ни его фамилии, ни имени не было среди приглашенных! Судорожно втянув воздух в легкие, я почувствовала, как сердце прострелила боль. И только сейчас осознала, как было велико желание увидеть мужчину. Даже сей-

час, спустя несколько лет, мне не удавалось смотреть на него, не испытывая при этом сердечного трепета.

Роберт почти не изменился. Все те же серьезные глаза и та же прическа. Он провел рукой по черным волосам и пожал руку какому-то незнакомому мужчине. Манера его поведения, спокойная и уверенная, завораживали меня еще тогда, шесть лет назад. Стал ли его брак с Кристиной счастливым? Я ничего не об этом не знала. С сестрой после всех событий, которые случились в нашей жизни, общение получалось натянутым. Неужели судьба решила вновь испытать меня на прочность еще одной встречей с ним.

Если сбегу, Алёнка ведь простит меня? А Мышке я куплю ее любимых пирожных...

Пробираясь через толпу к черному выходу, я случайно задела плечом незнакомую женщину, и на несколько секунд потеряла Роберта из виду, а когда подняла голову, то встретилась с глазами Шалимова. Он смотрел прямо на меня, а я едва не упала в обморок от напряжения.

Столько раз я представляла эту встречу, а сейчас ощущала себя рыбой, выброшенной на берег. Невозможно было сделать вдох. Горло сдавило огненным кольцом. Между его бровей пролегла жесткая складка, глаза вмиг сделались холодными, а улыбка исчезла с красивого, решительного лица. Просторный холл внезапно показался тесным, как маленькая коробочка, а сама я себе маленькой, хрупкой и беспомощной девчонкой, которой до сих пор и оставалась в глубине

души, несмотря на все, что мне пришлось пережить за эти годы.

Полина

Титаническим усилием воли я заставила себя отвернуться, понимая, что теперь бессмысленно бежать. Сделав глубокий вдох, я направилась к толпе людей. На меня накатило столько воспоминаний! Как уж оставаться равнодушной? Я вытравливала образ мужчины из своей головы много дней и ночей... Роберт прилетел на свадьбу один? Почему Кристины с ним не было? Может быть, сестра была в положении, поэтому не смогла сопровождать его? Много вопросов, и ни одного ответа.

– Полина, – услышала хриплый мужской голос за спиной, и замерла. – Здравствуй.

Медленно обернулась и встретила взгляд синих глаз. Думала, что не угадает? Или не заметит? Наивно было полагать, что мужчина не воспользуется этой возможностью со мной поговорить. Только зря он подошел, ни к чему это.

Роберт приблизился в два коротких шага, а я ощутила себя загнанным в ловушку зверьком.

– Добрый вечер, – выдавила я из себя.

«Нельзя сближаться, нельзя быть рядом. Уходи! – стучало в висках. – Дай ему понять, что ты удивлена этой встречей, но не больше. Уходи!»

Заметив стол с закусками, я направилась к нему, но чув-

ствовала, что не дойду без опоры. Я словно вмиг опьянела, хотя практически не пила. Меня штормило, я лишь внешне сохраняла спокойствие и невозмутимый вид, а внутри все содрогалось, словно от мощного землетрясения. Я ощущала на своих лопатках взгляд. И мысленно молилась, чтобы он не пошел за мной.

– А я не верил Кристине, когда она говорила, что ты вычеркнула ее из своей жизни, а теперь вижу, что это правда, – раздался холодный голос мне в спину. – Тебе даже видеться со мной сейчас неприятно?

Я застыла на месте.

Господи... Неужели это снова происходило со мной? И почему в тот самый момент, когда меньше всего я ждала этой встречи? Ведь в моей жизни все только устаканилось, появилось подобие личной жизни.

– Полина!

Я обернулась и уставилась в его лицо непонимающим взглядом.

– Откуда столько бессердечности и равнодушия? – спросил Роберт.

О чем он говорит? О какой бессердечности? Я никого не вычеркивала из жизни, это был наш уговор с сестрой.

– Мне кажется, это не твое дело, Роберт. Мы редко общаемся с сестрой, наши жизненные пути разошлись. Она вышла замуж, я уехала учиться в другой город и встретила мужчину. Так бывает... – я развернулась, чтобы уйти, но он мне

не позволил.

— Общаетесь? — взял меня за локоть и повернул к себе лицом. — И когда же в последний раз вы общались? Пять лет тому назад? Шесть? Или того больше? — в его голосе послышалась боль.

— Мы созванивались примерно... пару месяцев назад. Возможно, чуть больше. Почему ты интересуешься этим и разговариваешь со мной в таком тоне?

— Потому что Кристина умерла, а твоего номера в ее телефоне я не нашел, чтобы сообщить об этом ее единственному близкому человеку.

— Что ты такое говоришь... — меня словно ударили в солнечное сплетение.

Вдруг сильно закружилась голова, а я потеряла опору, чувствуя слабость в ногах.

— Это неправда...

— Разве такими вещам шутят? — резко спросил он.

— Когда это случилось? Как? — еле слышно прошептала я, еще не решаясь поверить в услышанное.

— В тот день меня не было в городе, я был в командировке. Ей потребовалась помощь врача... Мой отец не справился с управлением автомобиля. Случилась авария. Машина вылетела на встречу. Я похоронил ее рядом с вашими родителями. Это была ее последняя воля, — лицо мужчины исказилось такой болью, что не было сил смотреть на него, пока он говорил.

— Господи... — я ощутила, как крепкие руки схватили меня за плечи, не давая упасть. — Нет, не может этого быть... — потрясенно выдохнула я.

— Вот только не нужно сейчас этой святости! Я в курсе, что она тянулась к тебе, помогала деньгами, а ты отталкивала ее все это время. И молча наблюдал, как она мучается, пока ее единственный близкий человек был к ней равнодушен. Почему, Полина?

— Прекрати, пожалуйста...

Он не знал даже половины из того, что случилось тогда, шесть лет назад, в нашей жизни с Кристиной, и почему мне пришлось уехать из города. Мне нельзя было оставаться рядом с сестрой. Мышку бы отняли у меня в тот же час, когда вся правда вскрылась, а саму Кристину с позором выставили из семьи Шалимовых. Отец Роберта был жутким, властным человеком. Это из-за него и его чудовищных устоев все пошло наперекосяк! Этот брак, на который согласилась сестра, изначально был взаимовыгодным интересом двух партнеров, и не более того. И наш отец был виноват в этом кошмаре не меньше Шалимова-старшего. Поэтому я не знала, кого ненавидела больше.

— Роберт! — услышав позади голос Карима, я вздрогнула. — Рад, что ты принял мое приглашение. Вижу с Полиной вы уже познакомились? А это моя Алёна...

Роберт убрал руки с моих плеч и перевел взгляд на невесту и жениха. В наступившей тишине я смотрела на мужа

сестры, осмысливая сказанные им слова, и пыталась разобраться в своих чувствах. Сердце бешено колотилось о ребра, дышать было невыносимо трудно. Все так же сильно хотелось сбежать. Как и тогда, шесть лет назад.

– Мне очень приятно, – он вежливо улыбнулся Алёне, а на непроницаемом лице не дрогнул ни один мускул. – У тебя прекрасный вкус, Карим.

Алёна скромно улыбнулась Роберту и прильнула к мужу. Подруга не сводила с меня любопытных глаз и, наверное, сразу заметила, что со мной было что-то не так. Мне пришлось взять себя в руки и тоже натянуть вежливую улыбку, придать лицу отстраненный вид. Портить чужой праздник я не имела никакого права. И решила, что расскажу обо всем Алёне, когда они с мужем вернутся из свадебного путешествия. И заодно спрошу, откуда Карим знал Роберта, ведь муж сестры жил в другом городе.

В этот момент на мой телефон позвонили, и я мысленно поблагодарила того, кто бы это ни был: притворяться, что все хорошо не осталось ни сил, ни желания. Извинившись, я отошла в сторону и ответила на звонок.

– Полина! У Сафины поднялась температура. Ее вырвало...

– Ох, Мария Сергеевна, я скоро буду! – выключила телефон, и вернулась к Алёне с Каримом.

Еще раз поздравила их, извинилась, что у меня срочный вызов в роддоме, и быстро направилась на выход. Не смогла

бы сказать при Роберте о ребенке, потому что не знаю, что ему рассказывала обо мне Кристина. Но судя по заявлениям мужчины, мало хорошего. Хотя может это и к лучшему? Пусть считает меня плохой и держится от нас с Мышкой подальше. Всем будет от этого только лучше.

Такси задерживалось, а я была готова ловить попутку, лишь бы поскорее покинуть ресторан.

– Эй, красавица! – меня окликнул незнакомый голос.

Я повернула голову и увидела компанию мажоров. Ничего необычного для центра города, тем не менее, мне стало не по себе.

– Давай, подвезем? Садись к нам в машину.

В свете уличных фонарей я смогла различить лишь высокие силуэты. – Девушка со мной, – услышала за спиной голос Роберта.

Он приблизился, грубо взял меня за локоть и куда-то повел. Синие глаза были полны боли: острой, невыносимой, отчаянной. И я поняла, что мы не договорили, а он теперь просто так не исчезнет из моей жизни, пока не выяснит ответы на интересующие его вопросы. Господи... А что, если Кристина перед смертью все ему рассказала? От этой мысли мне стало еще больше не по себе. Захотелось превратиться в мелкую песчинку, затеряться на дороге, раствориться в воздухе, только не общаться с ним на тему прошлого.

Полина

Никак нельзя оставаться с Робертом наедине. Нужно возвращаться к Мышке, переварить все, что узнала. Успокоиться. У меня накопились отгулы на работе, их хватит, чтобы съездить в родной город, навестить могилу сестры и родителей. В голове не укладывалось, что теперь я осталась одна... Из нас двоих Кристина меньше всего заслуживала такой участи. Внутри поселилось ужасное опустошение, словно меня выпотрошили, как тряпичную куклу. В смерть сестры верилось с трудом, и эта правда никак не укладывалась в голову. Молодая, красивая, полная сил женщина... Как же это несправедливо...

Роберт открыл дверцу своего автомобиля и кивнул.

– Садись. Отвезу тебя, куда скажешь, а по дороге поговорим. Хотя по сути и не о чем.

Он не сводил с меня напряженного взгляда, а у меня сил не осталось, чтобы стоять на ногах. Я ухватила руками за дверцу, чувствуя, как дрожат колени. Столько новостей за один день. Но домой Роберту к нам нельзя и Мышку видеть тоже. Она хоть и была моей копией, но все же чертами лица походила и на Шалимовых, а я давно приняла решение, что не хочу лишиться своего сокровища. Потому и держалась от семьи сестры как можно дальше. И менять ничего не соби-

ралась.

– Нет, – мысль о Сафине привела меня в чувство. – Я звала такси. Ты ведь приехал на свадьбу, это некрасиво так уезжать...

– Я отвезу тебя. Я приехал поздравить Карима, а не веселиться. Садись, – спокойно повторил он.

Сглотнув огромный комок в горле, я забралась на сиденье. Роберт захлопнул дверцу, обошел машину и сел на водительское место. Я обхватила себя за плечи и уставилась немигающим взглядом на приборную панель.

– Планируешь поехать к ней на могилу?

Я кивнула.

Давно заметила эту странную черту в характере: могла расплакаться по мелочам, но в трагичные моменты держалась и сохраняла здравый рассудок. К тому же я не любила плакать при посторонних людях и позволяла себе это крайне редко. Пусть Роберт считает меня сухой, равнодушной, бесчувственной, но показывать свою боль я ему не хотела. И будет лучше, если эта встреча окажется последней. Надеюсь, и он такого же мнения.

– Да, обязательно. Я просто все еще не могу в это поверить... – выдохнула я и мельком взглянула на него.

Он кивнул, словно этот ответ что-то прояснил.

– Когда?

– Пока не знаю. Мне нужно оформить отпуск на работе. В ближайшее время... – неопределенно ответила я.

Посмотрев в решительное и волевое лицо Роберта, я подумала о Сафине. Может, рассказать ему о Мышке? «Когда она достигнет совершеннолетия, и ее не смогут у меня забрать, – тут же подсказал внутренний голос. – Или после ее замужества, когда она выйдет замуж за человека, которого полюбит сама, а мужа ей никто не навяжет». Если Роберт был таким же деспотичным, как и Шалимов-старший, то лучше нам с ребенком держаться от него подальше. Всю оставшуюся жизнь.

– Ты надолго в Питере?

– Навсегда. Перевожу бизнес, остались формальности. Мать на днях заберу. Она сильно сдала после смерти отца. Мне нужно о ней заботиться.

Беллу Ренатовну я видела всего лишь раз, и тот был на свадьбе сестры. Воспоминания о тех днях навсегда отложились в памяти. Когда-то с Кристиной мы были очень близки, но один случай все поменял, а жизнь раскидала нас по разным углам.

– Адрес скажешь? – он посмотрел на меня холодным, полупрезрительным взглядом.

Зачем тогда вызвался подвезти, если я была ему так неприятна? Назвав соседнюю улицу, не желая говорить настоящего адреса, я отвернулась к окну. Если он вдруг захочет что-либо узнать обо мне, то получит эту информацию из другого источника. Нужно как-нибудь дать ему понять, что общения между нами не будет, а эта встреча – первая и по-

следняя за несколько лет.

Мы ехали по вечерним улицам города в полном молчании. Меня оно тяготило, я много что хотела спросить, но язык словно прирос к небу. Почти три месяца я не знала о смерти сестры. И даже ничего не почувствовала в момент, когда ее жизнь оборвалась... Хотя, стоп. Три месяца назад мне стало резко нехорошо на работе во время принятия родов у пациентки. Мне тогда даже пришлось отпроситься, и весь вечер я пролежала пластом на кровати.

– Чем ты занимаешься, Полина? – спросил Роберт. – Я не ожидал тебя встретить на свадьбе Карима. Из города уехала, семью бросила. Кристина говорила, что ты встретила человека, родила от него ребенка, а он бросил вас. Изредка она просила у меня деньги, чтобы отослать вам...

«Я никого не бросала!» – хотелось крикнуть ему в лицо. Похоже, что Кристина многое выдумала сама. И денег я у нее никогда не просила. Не знаю, куда и кому она их посылала. Но точно не нам с Мышкой. Подарки – да, но не деньги. Мы сразу договорились, что ничего этого мне не нужно.

– Работаю в клинике. Акушерка, – уклончиво ответила я, умолчав, что год назад взяла в кредит большую сумму денег, чтобы доучиться и купить жилье. Без помощи Паши, естественно, у меня не получилось найти такое теплое местечко. Но и про Пашу ему тоже знать необязательно.

Роберт ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Винил меня в чем-то? Но в чем? Это ведь не его дело, какие меж-

ду нами с Кристиной были отношения. Знай он, почему они сошли на нет, вздыхал бы сильнее. Там и без той ночи столько всего было намешано... Очень тяжело вспоминать. Легче забыть все, что случилось, а не копаться во всем по новой. К тому же Рустама Альбертовича теперь не было в живых.

Машина остановилась во дворе. Роберт выглянул в окно.

– Ни одного фонаря. Ты уверена, что здесь живешь? Может тебя проводить? Или подождать, а потом отвезти на работу?

– Нет, спасибо. За мной приедет машина, – соврала я. – Прими мои соболезнования. Мне жаль, что погиб твой отец...

Я потянула ручку, но дверь оказалась заблокирована. Роберт заглушил двигатель и расслабленно откинулся на спинку сиденья. Я посмотрела на него не в силах скрыть недоумение.

– Вы такие разные, – он грустно усмехнулся, разглядывая мое лицо. – Абсолютно... Это не бросается в глаза, но когда пообщаешься ближе...

– Ты заблуждаешься, Роберт, мы никогда с тобой не общались. Тем более «близко». Ты ничего обо мне не знаешь.

Выражение синих глаз изменилось – исчезла жесткость, появилась мрачность.

– Характер, Полина, – он потянулся к бардачку, взял сигареты и, приоткрыв окно, закурил. – Кристина – боевая, суматошная, а ты – робкая, застенчивая, молчаливая... Совер-

шенно разные.

– У меня вызов и работа, Роберт, – напомнила я. – Мне нужно переодеться. За мной скоро приедут...

– Я в курсе. Всего минута, – он слабо приподнял уголки губ, но улыбка получилась какой-то вымученной, больной.

Я не понимала, почему он сейчас не выпускал меня из машины, а рассматривал пристальным взглядом. Неужели представлял ее на моем месте? Что вообще происходит?

– У тебя сейчас кто-нибудь есть?

– Мне не нравятся твои вопросы и то, как ты смотришь на меня.

– Извини, что смущаю. Это потому, что внешне вы все же очень похожи. Кристина, правда, сменила имидж почти сразу же после свадьбы, но губы, красивое лицо, блестящие глаза... Очень похожи.

– Ты любил ее? – шепотом спросила я.

Последовала тяжелая пауза, а затем раздался звук разблокировки замков.

– Любил. Как мог и умел, – черты его лица вмиг заострились, а я увидела смертельно усталого мужчину. – Ладно, иди, – кивнул он на дверь.

Полина

– У меня час до самолета. Я собралась в рекордно короткие сроки, привезла Мышке подарки и хочу с тобой поговорить, – быстро проговорила Алёна, переступив порог квартиры.

Поставила сумку на комод, сбросила туфли и направилась в комнату к Сафине. Я закрыла входную дверь и пошла следом, поджав губы. Знала я, о чем сейчас пойдет речь... У Роберта с Мышкой хоть и было минимальное сходство во внешности, но все же мы с Алёной давно дружим, а я не удивлюсь, если она сразу все поняла.

Она одарила Мышку гостинцами, и мы расположились на кухне.

– Чай будешь? – предложила я.

– Нет, – Алёна подняла запястье и посмотрела на часы. – Время поджигает. Карим заедет за мной через час, а я к тебе по делу. Утром я расспросила у него про того загадочного мужчину, с которым ты вчера так мило общалась на нашей свадьбе... На свою голову едва проблем не заимела! – хмыкнула она. – Муж посчитал, что я задумала адюльтер, представляешь? – махнув рукой, тут же продолжила. – Так вот... – Алёна намеренно выдерживала сейчас паузу. Но мои нервы и без того были на пределе. – Это ведь он? Да? – до-

гадалась она.

– Он. И я в ужасе от этой встречи, Алён... – выдохнула я и обессиленно опустилась на стул. – Роберт сказал, что сестра погибла три месяца назад... А я ничего не знала об этом!

– Прими мои соболезнования, – она положила руку мне на плечо и легонько его сжала. – Очень жаль Кристину. Знаю, что последние годы вы почти не общались по вполне понятным для меня причинам, но терять близкого человека всегда больно...

– Очень больно. Я все время об этом думаю со вчерашнего вечера, не могу переварить. Уверенная, умная, красивая... Как только Мышке станет лучше, поеду в Казань.

– Поезжай, конечно, – согласилась Алёна. – Так вот я расскажу, что выяснила у Карима?

Я кивнула.

– Он сказал, что Роберт его давний партнер. Теперь они вместе будут вести бизнес в Питере и заниматься строительством новых объектов.

Я тяжело вздохнула.

– Но это еще не все. Кристина была на седьмом месяце беременности, когда случилась авария...

По моим округлившимся глазам Алёна поняла, что я была не в курсе этих подробностей.

– Девочка выжила. Но очень слабенькая. Это все, что я знаю.

– Боже... – я прикрыла рот рукой. – Но почему он ничего

не сказал об этом?

Алёна пожала плечами.

– А еще он интересовался тобой у Карима. Не знаю, мне кажется, он настроен узнать о тебе больше...

– Это точно ни к чему! Господи... – я встала на ноги и принялась нервно расхаживать по комнате, обескураженная всеми новостями. Меня разрывало от боли, что в жизни Кристины все так сложилось, а она так и не познала радость материнства. – Я ненавижу отца Роберта, хотя того уже нет в живых! – в сердцах выпалила я, но вспомнив, что Сафина могла все услышать, заговорила тише. – Скажи мне, Мышка похожа на Роберта?

– Ну-у, – протянула Алёна. – Ты знаешь, Поль, ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову рассматривать в ребенке сестры жены своего. Тем более искать схожие черты, когда ты ни сном, ни духом о том, что первую брачную ночь провел... – Алена осеклась, заметив, как я побледнела. – Так. Все. Не бери в голову. Он не будет проводить подобных параллелей.

– Хорошо, – я горько усмехнулась, чувствуя внутри моральную и эмоциональную усталость.

Я почти всю ночь не спала, прокручивала события шестилетней давности в голове и никак не могла принять того, что Кристины больше нет. Меня так долго терзали боль и сожаление. И огромное желание отомстить Шалимову-старшему за то, что он с нами сотворил. Но жизнь его сама наказала.

И зачем-то забрала у меня сестру...

– Будем разбираться со всеми проблемами по мере их возникновения, да?

Я ничего не ответила Алёне. Это на работе я привыкла просчитывать ходы наперед, быть наблюдательной, принимать ответственные решения, а в жизни как-то все иначе складывалось. И от одной мысли, чтобы во всем признаться Роберту, к горлу подкатывала тошнота. Разве он примет нормально эту правду? Конечно, нет. И никто бы не принял.

– Мама! Алёна! – Сафина появилась на кухне и покрутилась перед нами в обновках, которые привезла подруга. – Самое то, для кружка танцев, да, мам? Ты – чудо, крестная фея! – она повисла на шее у Алёны, сияя от счастья.

Историю про Золушку я читала ей по вечерам до онемения языка, она обожала эту сказку и всех ее героев.

– Не-ет, – улыбнулась Алёна в ответ. – Ты не Мышка! Ты лисица, маленькая хитрюга, – она усадила Сафину к себе на колени и крепко обняла. Подруга обожала, когда Мышка называла ее крестной-феей. – Тебе уже получше сегодня, Мышонок? – быстро чмокнула ее в щеку.

– Да, лучше, – расплылась Сафина в широкой улыбке. – Тебе и твоему жениху понравилась моя открытка?

– Очень! Моя ты хорошая, поправляйся, а, когда вернусь из путешествия, все вместе поедem на выездную фотосессию. Я ведь обещала тебе снимок с невестой?

Дочка довольно кивнула.

Я и не заметила, как пролетел час. Мне не хотелось расставаться с подругой, я понимала, что без ее поддержки и опоры, мне будет сложно держаться эти дни. Внутри царил хаос, беспорядок, а от одной мысли, что Роберт захочет снова со мной увидеться, бросало в дрожь.

– С тобой Мария Сергеевна и Ефим Петрович. Как только мы вернемся, я сразу к вам приеду. – Мы обнялись на прощание, и подруга вышла из квартиры, а мы с Сафиной снова остались одни.

В голове была жуткая неразбериха. Нет, конечно, я понимала чувства Роберта: обо мне у него сложилось не лучшее впечатление за эти годы из-за того, что мы с Кристиной не общались. Но мы с сестрой изначально решили минимизировать наше общение и вполне успешно придерживались этого плана. Только сейчас в груди все сжималось, и глаза затуманивались слезами от мысли, что сестры больше нет, а маленькая кроха осталась без мамы. Меня даже на пушечный выстрел к девочке никто не подпустит. И почему Роберт ничего не сказал о ней? Не хотел, чтобы я об этом знала? Или потому, что кроха была слабенькой и могла умереть?

Полина

– Мама, тебе обязательно ехать? Почему мне нельзя с тобой? Ты же раньше всегда брала меня в командировки, – Сафина нахмурила брови и перевела тоскливый взгляд на тарелку с кашей, которую я поставила перед ней.

Мышка уже значительно лучше себя чувствовала. Кашель прекратился, температуры не было, она начала проводить все свободное время за столом и мастерить поделки. А я договорилась с Марией Сергеевной и Ефимом Петровичем, что они присмотрят за Сафиной, пока я съезжу в родной город на могилу к сестре и родителям.

– В следующий раз обязательно возьму тебя с собой. Я ненадолго. Кушай, Сафина, а то остынет, – кивнула на тарелку с кашей и тоже села за стол.

Не любила опаздывать на работу, но сегодня после дежурства я собиралась сразу отправиться на вокзал, и потому решила провести полноценный завтрак вместе с дочкой, раз уж вечером увидаться у нас не получится.

– Хорошо, – грустно отозвалась Сафина и опустила голову.

В последнее время я много работала, брала больше дежурств, чтобы быстрее погасить кредит в банке. А у самой сердце было не на месте из-за того, что оставляла дочку на

добрых стариков, которые шесть лет назад пустили меня, молодую студентку, к себе на квартиру.

Мышка проводила меня до двери после завтрака, обняла, и пожелала, чтобы я как можно скорее вернулась. День пролетел в привычных хлопотах, а я не успела больше ни перекусить, ни выпить чая. И с удовольствием бы съела утреннюю кашу Сафины, которую она отказалась доедать, еще бы и добавки попросила – так была голодна. Застегнув пиджак на все пуговицы, я взяла в руки дорожную сумку и вышла из отделения. Но не успела сделать и пары шагов, как раздался звонок на телефон.

Номер мне был незнаком, а от мысли, что это мог быть Роберт, засосало под ложечкой. Всю неделю мне снились безумные, странные сны... Эти кошмары выматывали меня, а наутро я просыпалась с больной головой и апатией.

– Да, – ответила я, и облегченно выдохнула, услышав на том конце связи женский голос.

Мне звонила всего лишь новая пациентка, которая хотела записаться на личный прием, а я кажется начала превращаться в параноика... Завершив вызов, я спустилась на лифте вниз и быстрым шагом направилась к выходу.

– Полина! – окликнул меня знакомый голос почти у самой двери.

Я замерла на месте и уставилась в лицо Павла Андреевича. То есть Паши. На работе мы старались не афишировать наших отношений, чтобы персонал меньше сплетничал. Но

официальное обращение к мужчине проскальзывало по привычке и при неформальном общении за стенами клиники. И даже иногда в мыслях.

– Торопишься? Может быть, я подвезу? – предложил он.

– Павел Андреевич... – я покосилась в сторону охранника. – Да, тороплюсь...

Мы вышли на улицу, и я немного расслабилась.

– Паш, у меня через час поезд. Ты ведь сам подписывал вчера приказ... – тихо произнесла я, посмотрев на мужчину снизу вверх.

– Подписывал, – кивнул он. – Только это было вчера, – он добродушно улыбнулся. – А сегодня у меня действительно уважительная и серьезная причина тебя подвезти.

– В другой раз. За мной приехала машина, – я кивнула в сторону такси, которое стояло на парковке. – А тебе добираться домой в другую сторону...

– Поля, – хмыкнул он. – Никакого простора для романтики, – Паша укоризненно покачал головой. – Ладно, в таком случае я не отниму у тебя много времени, – серьезно продолжил он. – На следующий неделе у нас внеочередной совет директоров и встреча с застройщиками. «Мединдустрия» собирается расширять сеть клиник. Ты в нашей команде молодое и незадействованное звено. Мирзоев хорошо ко мне относится, мы вместе с ним распределяем своих людей и закрепляем за каждой клиникой. Хочу предложить ему твою кандидатуру. Пора расти вверх, строить карьеру. Что ска-

жешь?

– Предлагаешь мне возглавить новый проект? – удивилась я.

– Именно. И не говори сразу нет. Скажи, что подумаешь. Выбранная профессия меня полностью устраивала, менять я ничего не хотела, как и взваливать на свои плечи дополнительную ответственность, связанную с бумажной волокитой и руководством клиники. Свое призвание я видела в совершенно других вещах.

– Я подумаю, – но все же отказать сразу не решилась. Такие предложения выпадают раз в жизни, а я так мечтала дать Сафине все самое лучшее.

– Думай, Полина. Может быть, все же я отвезу тебя на вокзал? – он кивнул в сторону своего седана представительского класса. – Я соскучился по тебе... А ты всю неделю ходишь пасмурная. Что-то случилось? Это из-за болезни Сафины? Как она?

Если бы не сотрудники клиники, которые выходили из здания в это мгновение, я бы попросила Пашу меня крепко обнять.

– Нет, спасибо, я лучше правда сегодня на такси... – отрицательно качнула головой.

И про Кристину я обязательно расскажу Паше, но потом. Сейчас я не готова говорить с ним на эту тему без комка в горле и слез в глазах. И ни с кем не готова. Слишком свежи эмоции для таких разговоров.

– Когда вернешься, сходим все вместе в парк? Сафине вроде понравилась наша прошлая вылазка?

– Мы подумаем над твоим предложением.

Паша расплылся в улыбке, а его зеленые глаза заблестели.

– До встречи, – я направилась к машине, которая ждала меня на парковке, вспоминая нашу недавнюю прогулку. Быстров и Сафина, кажется, и впрямь нашли друг с другом общий язык, и почему бы нам еще раз не провести с ним вечер?

С вокзала я отправилась напрямик в отель, который забронировала накануне в интернете. В родном городе я не была два года. Тогда же, два года назад, мы последний раз виделись с сестрой, а я за последние пять лет потеряла трех близких людей, и теперь внутри все сжималось от боли, когда я думала о том, что мы с Сафиной остались одни.

Я выкладывала одежду из сумки на полки в шкафу, когда на мой телефон позвонила Алёна.

– Привет, как дела? – бодрым голосом спросила она. – Как Мышка? Ты уже на месте?

Меня насторожил ее последний вопрос, я отвлеклась от вещей и присела на край двуспальной кровати.

– Все хорошо. Сафине лучше. Я только недавно сошла с поезда, – покрутив в руках теплый джемпер, который положила на всякий случай, бросила обратно в сумку.

Вещей я взяла мало, можно было оставить все как есть и

ничего не разбирать, но мне хотелось чем-то заняться, чтобы не думать без конца о Кристине и отвлечься от этих мыслей.

– Какие планы на день? – продолжила Алёна вопрос.

– Думаю, прогуляться немного... – я перевела взгляд в окно. – Погода стоит шикарная, а я давно хотела съездить в центр, к нашему старому дому. Завтра поеду на кладбище. Сегодня чисто психологически не смогу на это решиться. Тяжело...

И я понимала, почему оттягивала этот момент. Потому что в мыслях представляла Кристину до сих пор живой.

– Роберт... Он тебе не звонил? – тихо, почти шепотом спросила Алёна.

– Он знает мой номер? – удивилась я. – Спрашивал его у Карима? – сердце оборвалась в груди.

Стоит ненадолго забыть о мужчине...

– Нет. Успокойся. Я просто спросила. Твоего номера ему никто не давал, – спокойным голосом заверила меня Алёна.

– Это хорошо... Ты же знаешь, как я боюсь с ним встречаться. Ни к чему это.

– В общем, я не хотела говорить, но, наверное, стоит: Роберт сейчас в Казани.

– Что?! – я чуть не выронила телефон из рук.

– Да, подслушала утром случайно разговор Карима, потому и звоню. Шалимов пробудет несколько дней в городе, а потом вернется в Питер. Так что ты поаккуратнее со своими прогулками, – предостерегла Алёна.

— Как же вовремя... — со вздохом отозвалась я и уставилась перед собой невидящим взглядом.

Не мог он подождать несколько дней и провести их в Питере? Вероятность, что мы встретимся, была крайне мала, но нехорошее предчувствие надвигающейся катастрофы теперь не отпускало меня.

Полина

Остаток дня пролетел незаметно. Я позвонила домой, сходила покушать в кафе, прогулялась по любимым улочкам. В родном городе все было до боли знакомо: живописные пейзажи, красивая набережная, дом, в котором я выросла, а теперь в нем жили чужие люди... Никаких признаков, кроме воспоминаний, что это все имело место в моей жизни.

Я вернулась в номер поздно вечером и сразу же легла спать. А перед тем как заснуть решила, что, если мы с Робертом вдруг встретимся еще раз, то постараюсь взять себя в руки, и выяснить у него, почему он ничего не сказал мне о дочке. Неужели посчитал, что я не достойна об этом знать, если не общалась с сестрой?

На следующий день я проснулась около полудня. За окном стояла дымка, а в комнате было темно. Когда за мной приехало такси, я быстро собралась, оделась потеплее и спустилась вниз.

– Подождете полчаса? Я заплачу, сколько скажете, – обратилась к водителю, когда он остановил машину у ворот кладбища.

– Да, подожду, – кивнул он, и заглушил двигатель.

Поблагодарив мужчину, я вышла из машины. На улице было пасмурно, срывался дождь, а холодный ветер пробирал

до костей. Джемпер, который я бросила в сумку, думая, что не пригодится, был одет под пальто, но все равно не согрел. А может быть, я дрожала вовсе не от холода? А потому что до сих пор отказывалась верить в то, что Кристины больше нет, боялась увидеть ее могилу. Ее смерть казалась каким-то плохим сном или жестоким розыгрышем...

Наверное, лишь в такие моменты начинаешь задумываться, что жизнь может оборваться в самый непредсказуемый момент. И от этого в груди только больнее, потому что ничего нельзя изменить, даже банально поговорить с тем, кто когда-то был очень дорог. Никогда... Какое страшное слово! Глаза словно обожгло кислотой, когда я увидела черное надгробие с именем сестры. Я много времени держалась, не давала волю слезам, а сейчас плакала и не могла остановиться. Невыносимый груз потери тянул меня в глубины отчаяния.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, я резко повернула голову, и сквозь пелену слез заметила Роберта. Схватившись окоченевшими пальцами за железную ограду, я смотрела на букет в его руках. Цветы были перевязаны черной лентой, я не могла отвести глаз от ярко-красных бутонов.

– Как знал, что встречу тебя здесь сегодня, – сказал он холодным голосом, когда приблизился.

Положил красивые и яркие цветы на черный мемориал, и, вложив руки в карманы пальто, замолчал, словно о чем-то размышляя. Мы стояли какое-то время в полной тиши-

не. Может быть, мужа сестры злило мое присутствие? В прошлый раз я отчетливо уловила исходящее от него напряжение. А в этот – меньше его не стало.

Когда я почувствовала силы говорить, то спросила ровным и спокойным голосом: – Почему ты ничего не сказал о ребенке в прошлый раз?

Сердце гулко забилося в груди, казалось еще чуть-чуть и оно проломит ребра. Когда-то с Кристиной мы решились на ужасную авантюру, а эта ошибка тяжким грузом лежала на моих плечах все шесть лет.

– Что бы это изменило? – ответил он вопросом на вопрос. – С трудом верится, что это для тебя имеет хоть какое-то значение.

– Имеет значение, Роберт. Я бы с большим желанием познакомилась с крохой. То, что мы с сестрой редко общались, не говорит о том, что были друг другу безразличны! Если бы это было так, то я бы не приехала...

Я не удержалась и посмотрела ему в лицо. В горящем взгляде появилась тень сомнения. – Правда хочешь ее увидеть? – спросил он. – Зачем?

Я не могла объяснить ему этого, да и не уверена, что он бы понял.

– Она... С ней все в порядке? Она здорова?

– Она родилась раньше срока, легкие не раскрылись. Но сейчас дочь чувствует себя хорошо. Когда Дамиру выпишут, я найму для нее няню. Мать слишком стара, чтобы ухаживать.

вать за младенцем.

Не знаю почему, но я снова заплакала. Стоит только начать и остановиться уже невозможно. Я почему-то вспомнила, как маленькими девочками мать с отцом привели нас в такой же серый и непогожий день, как этот, на кладбище к дедушке и бабушке. Была грязь. Мы держались с Кристиной за руки, я лишь на секунду выпустила ее руку из своей, поправить упавший локон волос, а в следующее мгновение споткнулась и упала лицом на железную ограду. Я рассекла переносицу, каким-то чудом не лишилась зрения. Остался небольшой шрам над бровью, который, если не присматриваться, то почти не заметен. Но я до сих пор помнила, как Кристина не отходила от меня ни на шаг все две недели, что я лежала дома, и мне не разрешали вставать. Мама читала нам вслух книжки, а сестра держала меня за руку, и гладила по ней. С нежностью, с любовью, с трепетом... Разве о таком возможно забыть? Если бы Роберт только знал, что творилось у меня в душе!

– Не надо, Полина...

– Не могу остановиться, извини, – вытирая пальцами текущие по щекам слезы, тихо пробормотала я, и зачем-то начала рассказывать ему эту историю сбивчивым и запинаящимся голосом, а он слушал, пока я не остановилась.

Роберт вздохнул, а его теплое дыхание коснулось моей щеки. Мне вдруг захотелось обнять его обеими руками, прижаться головой к груди и выплакать на ней все свои горести.

– Ну все, перестань. Кристину не вернуть. Нужно думать о живых. Я позволю тебе увидеть Дамиру. Хочешь, прямо сейчас к ней поедem? Врачи настояли, чтобы перед нашим переездом, ей провели дополнительные обследования. Собственно, ради этого я и приехал. Когда дочь выпишут, мы отправимся в ее новый дом, который я купил в Питере.

Последовала напряженная пауза. Я ощутила, как по спине поползли мурашки, но продолжала упорно смотреть на воротник мужского пальто, осмысливая предложение Роберта. Глотала воздух и чувствовала, как сердце бьется все быстрее и быстрее.

– Так, понятно, – тяжело вздохнул он и, сжав мою руку чуть повыше локтя, повел за собой.

Я шла по инерции. Продрогшая, заплаканная. Наверное, в таком состоянии нельзя оставаться одной, но и находиться с Робертом, а тем более сближаться – наихудшая из идей. Но я так хотела увидеть девочку. Хоть одним глазом...

Роберт подвел меня к своей машине, открыл дверцу и усадил на пассажирское сиденье.

– Я... Меня ждет такси, – вдруг вспомнила я.

Как и предчувствовала, что этот день окажется для меня очень тяжелым, но даже представить не могла, что настолько.

Роберт повернул голову, увидел машину с шашечками неподалеку и, ничего не говоря, направился к таксисту, а спустя пять минут вернулся. Забрался на место водителя,

включил двигатель, настроил климат-контроль, сделав воздух в салоне теплее. Расстегнул пальто, ослабил галстук и запрокинул голову назад, будто размышляя. Заметив, как бешено пульсировала вена на его шее, я заставила себя отвернуться к окну, а не разглядывать Шалимова.

– Я сейчас не в настроении говорить любезности.

Я мельком посмотрела на него.

– Всю эту боль, которая отражается сейчас в твоих глазах, я уже пережил. Что бы там между вами не произошло в прошлом – это не мое дело. Но если ты и в самом деле хочешь увидеть Дамиру, то возьми себя в руки. Мне достаточно причитаний со стороны матери. Поверь, внутри я истекаю кровью от сознания, что девочка будет расти без Кристины, – неожиданно признался Роберт. – Тем не менее, жизнь не кончается, а я привык жить настоящим. К Дамире я пушщу тебя только при одном условии: ты вытрешь слезы с лица и постарайся не плакать. Ты сама мать, сомневаюсь, что при своем ребенке рыдаешь навзрыд? – он задержал на мне вопросительный взгляд, а я отрицательно покачала головой. Перед Сафиной я всегда сдерживалась, как бы плохо и тяжело иногда не приходилось. Я очень редко плакала, чтобы не расстраивать ребенка и не травмировать Мышке психику.

– Вот и при нашем с Кристиной не нужно, – сказал он и завел двигатель.

Полина

– Какая крошечная... – шепотом произнесла я.

И как же она похожа на Сафину в детстве... Я словно перенеслась в прошлое и увидела ее маленькую копию. Стояла у окна, смотрела на Роберта, как он держал девочку на руках, бережно прижимал к себе кроху, а видела совсем другую картинку... Сглотнув огромный ком в горле, я несколько раз вздохнула и выдохнула, затем отвернулась к окну, чувствуя как в глазах собирается влага. Нет, плакать больше нельзя, я обещала Роберту.

– Можно мне ее подержать? – я протянула руки, когда почувствовала, что готова взять ребенка.

– Да, – грустно выдохнул он и подошел с девочкой ко мне, а я принялась внимательно разглядывать красивое личико. – Дамира родилась с весом меньше двух килограммов. Долго восстанавливалась, но сейчас ей получше, да, принцесса?

Роберт слабо улыбнулся, взглянув на меня. Столько нежности было в его глазах, когда он смотрел на дочку, что я не смогла удержаться, и улыбнулась ему в ответ.

Почти каждый день на протяжении последних трех лет я принимала участие в рождении новой жизни, но сейчас, взяв в руки Дамиру, испытала странное чувство, будто стала мамой во второй раз. Наверное потому, что у девочки больше

не было матери, а мы с ней одной крови? Для меня и Сафины эта кроха – единственный близкий человек на свете, который у нас остался.

Я погладила кончиком пальца курносый, маленький носик, и девочка улыбнулась во сне, а мое сердце забилося так гулко, что заложило уши. Трепет, нежность и тоска – эти чувства творили со мной что-то невероятное в это мгновение. Прикоснувшись губами к темному пушку на голове младенца, я вдруг поймала себя на том, что Кристина, возможно, испытала похожие чувства, когда впервые приехала к нам в Питер после моих родов, и взяла Сафину на руки. Мы виделись очень редко с сестрой. За шесть лет всего три или четыре раза от силы, но я очень любила ее, несмотря на все, что случилось между нами.

Подняв голову, я посмотрела на Роберта, он стоял у окна и вид у него был такой, будто он не прочь закурить прямо в детском отделении. Немигающим взглядом смотрел на нас с ребенком, сложив руки на груди.

– Ты думаешь о ней? – я не удержалась от вопроса, который крутился на языке.

Меня не покидало ощущение, что он все время представлял Кристину на моем месте.

– Сколько ты зарабатываешь, Полина? – вдруг спросил он.

– Что? – я непонимающе улыбнулась, а внутри неприятно кольнуло.

– Я знаю, что ты работаешь в хорошей частной клинике

врачом. Руководство о тебе положительно отзывается, но ты вся в кредитах...

– Кажется это не твое дело?

Девочка закричала в моих руках и проснулась. Распахнула синие глаза такие же, как у отца и ее старшей сестрички, и посмотрела на меня, а я снова почувствовала, как все сжалось внутри от нежности. Ну где же справедливость? Моя дочь росла без отца, а ребенок Роберта остался без матери...

– Я долго думал и пришел к выводу, что мне нет дела до ваших разногласий с Кристиной. На меня сейчас навалилось слишком много забот. Возможно, я пожалею об этом решении, которое принял на твой счет, но у тебя хорошее образование, ты родная кровь... – произнес он, подходя ко мне и заглядывая в лицо дочери. – Я заплачу большие деньги, чтобы ты ухаживала за Дамирой и была в ее жизни.

– Что? – моя улыбка стала холоднее.

– Няня, само собой разумеется, будет вам помогать, но у моей дочери должно быть хотя бы подобие семьи. Пока не случилось несчастье с моими старшими братьями, я рос в полной семье, и отдаю себе отчет, о чем прошу тебя сейчас.

– Роберт Рустамович... – в палате появилась молоденькая медсестра, но увидев меня, вдруг запнулась и посмотрела так, словно перед ней стояло привидение. Вся побледнела, перевела огромные глаза на ребенка в моих руках, затем снова на Роберта.

– Лиза, это Полина. Сестра Кристины. Они близняшки, –

спокойно сказал Роберт, заметив изумление девушки.

– Добрый день, – натянуто улыбнулась она и сделала шаг навстречу. – Я ухаживаю за малышкой. Можно? – снова посмотрела на меня, затем опустила глаза на ребенка, которого я прижимала к груди. – Нам нужно переодеться и идти на процедуру, – мне показалось, что я услышала нотки презрения в ее голосе.

– Да, конечно, – ответил Роберт за меня и кивнул, чтобы я отдала медсестре ребенка.

Она положила девочку на пеленальный столик и принялась переодевать. Я наблюдала за ее действиями и ощущала себя так, словно меня приложили чем-то тяжелым по голове. В предложении Роберта была толика здравого смысла. Он хотел не так уж и много, а я могла дать девочке заботу и тепло, но все это было чревато необратимыми последствиями. Не будь той ночи и Сафины, я бы даже не думала сейчас над ответом.

– Вот так, моя маленькая... – ласково приговаривала медсестра, перевернув Дамиру на животик.

Мы с Робертом молча наблюдали за ребенком. Я размышляла над его словами, и понимала его чувства, он боялся, что Дамира будет ощущать нехватку родительской любви... И в чем-то он, конечно, был прав.

– Что с пятном под лопаткой? – спросил Роберт, а меня словно с ног до головы обдало кипятком.

Пятнышко под лопаткой? Мне не слышалось?

– Меченая девочка! – довольно усмехнулась медсестра. – Будет счастье от папы. Вроде больше не увеличивается в размерах, Роберт Рустамович, но лучше наблюдать...

– Полина?

Я схватилась за стену. Мне стало нехорошо. Этот день, кажется, решил меня окончательно добить?

– Тебе плохо? Полина...

Я почувствовала руку на своем плече, Роберт всматривался пристальным взглядом мне в лицо.

– Я... Со мной все в порядке. Извини, Роберт. Мне пора... – я отозвалась слабым голосом.

На ватных ногах покинула палату, словно в тумане дошла до лифта и нажала на кнопку. Так паршиво мне было лишь однажды: наутро после проведенной ночи с Робертом и последующей встречи с Шалимовым-старшим, из-за которого и случился весь этот кошмар.

– Полина! – Роберт окликнул меня, когда я уже выходила из здания. – Что случилось? – он остановил меня, схватив за локоть. – Я обидел тебя своим предложением?

Как никогда я была близка к тому, чтобы во всем сознаться, вывалить на него правду, но не проронила ни слова, потому что понимала, что не смогу этого сделать. Духу не хватит. Я совсем не знаю Роберта. Что он за человек? Какие шаги предпримет, узнав обо всем? Возможно, решит отгородить меня от общения с обоими детьми? Зная, каким ужасным человеком был его отец, могла предположить, что именно

такое развитие событий меня и ждало.

– День был тяжелый. Я хочу отдохнуть. Спасибо, что позволил мне ее увидеть... Если ты разрешишь изредка ее навещать, буду очень благодарна, но... Я должна отказаться от твоего предложения.

Полина

Красивое лицо Роберта помрачнело, а глаза утратили живой блеск. Рядом с дочкой он был совсем другим. Шалимов долго смотрел на меня, а я вконец растеряла последние крохи самообладания под его пронзительным взглядом.

– Идем, я отвезу тебя, – шумно выдохнул он, словно устал от этого дня так же сильно, как и я.

Мне не хотелось оставаться с ним наедине, но желание оказаться в номере и лечь на кровать, чтобы забыться ненадолго сном, пересилило, и я пошла за Робертом к машине. Возможно, я подумаю над тем, чтобы рассказать ему правду, но уже в Питере. Не сейчас и точно не сегодня. Даже не представляю, какой силой духа необходимо обладать, чтобы произнести это вслух. С виду он и близко не походил по характеру и поведению на своего ужасного, деспотичного отца. Но может быть, это всего лишь маска? А настоящего Роберта я еще узнаю? От осинки не родятся апельсинки...

Погода окончательно испортилась. Дворники счищали влагу с лобового стекла. Роберт не сводил внимательного взгляда с дороги, а я, повернувшись в его сторону, рассматривала идеальный профиль лица, думая о том, что правда про нас с Кристиной вызовет у Шалимова шквал негативных эмоций. Мама и папа с детства приучали нас, что обманы-

вать нехорошо, даже если ложь во благо. Хотя какое уж тут благо? Я надеялась, что Кристина будет счастлива в браке, а вот оно как все получилось...

— Полина, я погорячился, когда предложил тебе деньги, — спокойным голосом начал Роберт. — Давай, мы сделаем вид, что я этого не говорил, а ты не отказывалась от Дамиры? Я не тороплю тебя с ответом, — он мельком взглянул на меня, а я не знала, что сказать, потому что чувствовала себя опустошенной и разбитой. — Это ведь из-за денег, да?

— Я не отказываюсь от общения с девочкой, просто... Не готова ничего менять в своей жизни, тем более уходить с работы или изображать с тобой фиктивную семью. Жить на два дома у меня не получится. Ты как себе это представляешь?

— Пока не знаю, — он пожал плечами. — Со временем разберемся. Но ты совершенно не производишь впечатления человека, которому безразлична судьба моей дочери. Я беру свои слова обратно по поводу того, что случившееся между вами с сестрой меня не касается, — Роберт выдержал небольшую паузу и спросил: — Что случилось?

Я видела, как он нахмурился, продолжая следить за дорогой.

Что я должна была ему ответить? Что его отец был подлым мерзавцем, который незадолго до их свадьбы с Кристиной натравил на нее шайку отморожков, а те изнасиловали девушку, чтобы никакой сделки между нашими отцами не состоялось? Но Роберт был за рулем, не хватало угодить в

аварию после таких признаний. Да и не факт, что он мне поверит...

Стоило мне подумать об аварии, как нашу машину подрезала другая. Роберт громко выругался и вывернул руль, стараясь избежать столкновения, а нас занесло на скользкой от дождя дороге. Я вцепилась онемевшими пальцами в ручку двери, автомобиль развернуло на сто восемьдесят градусов и ошутимо встряхнуло, когда Роберт ударил по тормозам. Из моего горла вылетел испуганный вопль, я зажмурила глаза, думая в этот момент о Сафине. Если меня вдруг не станет, то она отправится в детский дом, потому что кроме меня у нее никого не было...

– Ты как? – донесся до меня далекий и встревоженный голос Роберта. – Полина? Не молчи.

Я почувствовала на своем лице руки и широко распахнула глаза.

Сердце бешено стучало в груди. Уши были заложены.

– Испугалась... – тихо отозвалась я и посмотрела в окно, чувствуя как на грудь что-то капает. От осознания, что все обошлось, меня накрыло волной облегчения.

– У тебя кровь, – Роберт достал салфетки и положил упругую упаковку мне на колени, а сам открыл дверцу и выбрался из машины, впуская в салон прохладный воздух.

Его не было от силы минут пять или семь, он вернулся в машину злой, мокрый. Взъерошил волосы на голове, завел двигатель и развернул автомобиль, освобождая проезд дру-

гим.

– Нас подрезали. Подонок даже не остановился, – он взглянул на меня и задержал взгляд на окровавленной салфетке в моей руке. – Извини, – выдохнул он.

Похоже, что день у меня не задался с самого утра.

– Все нормально?

У меня сильно кружилась голова, и шла кровь из носа. Такое у меня случалось часто после рождения Сафины, стоило немного понервничать.

– Это от испуга. Кровь сейчас остановится, – я отвернулась к окну.

Несколько минут мы ехали в полном молчании, а потом Роберт заговорил:

– После выкидыша, буквально сразу же в первый месяц после свадьбы, Кристина сильно сдала. Очень переживала, врачи говорили, что если она забеременеет снова, то это будет чудо. И вот оно случилось... – грустно улыбнулся он. – Только вышло все как-то уж совсем печально. Я ума не приложу, что делать с ребенком. Столько всего разом навалилось: смерть отца и Кристины, похороны, мать, которая без конца плачет и причитает, уход за младенцем. Я не пытаюсь вызвать в тебе жалость, но как женщина ты должна понимать, что для сестры значила эта беременность после множества безрезультатных попыток стать мамой.

– Выкидыша? – сипло переспросила я.

– Да, мы не афишировали это в семье. Срок был неболь-

шой.

Нет, я полагала, что рано или поздно нам с Кристиной придется ответить за подлог, но я даже и подумать не могла, что забеременею после той ночи с Робертом, хотя сделала все, чтобы этого не случилось. Только судьба распорядилась иначе... И сестра тоже забеременела, но не от Роберта, потому что сразу же после свадьбы он уехал на месяц из города, а она панически боялась с ним близости и переживала, что не вынесет его прикосновений после всего случившегося. Скорее всего, ребенок Кристины был от кого-то из насильников, только почему она мне ничего об этом не сказала?

– Есть записи с видеорегистратора машины, в которой погибли твой отец и Кристина?

– Почему ты интересуешься? – Роберт удивленно на меня посмотрел.

Зная страх сестры перед Шалимовым-старшим для меня было очень странно услышать, что они погибли в один день. Оставалось только догадываться, что там случилось на самом деле.

– Я хотела спросить у тебя, как это случилось.

– Отцу стало плохо с сердцем. Он давно жаловался на него... Потерял сознание за рулем.

О мертвых нельзя выражаться плохо, но сейчас бы я поспорила с Робертом, что у Шалимова-старшего было сердце.

– Машина перевернулась, записи не подлежат восстановлению.

Я пыталась по кусочкам собрать общую картину из всего, что узнала от Роберта, и на ум пришло лишь одно: Рустам Альбертович все же уничтожил Кристину и избавился от навязанной невестки. Не удивлюсь, если и деньги, какие она якобы отправляла мне, он вымогал из нее через своих людей, чтобы потом все это использовать против нее или шантажировать. Но это все только предположения... А может быть, Шалимов успокоился и смирился с тем, что союз, который он всеми силами пытался расстроить, нашел отклик в сердце единственного сына? Судя по всему, что я слышала от Роберта, он хорошо относился к моей сестре.

– Полина, – я вздрогнула, услышав свое имя, и перевела на него встревоженный взгляд.

– Извини, я задумалась... Что ты спросил? – заметив, что машина остановилась у отеля, я схватилась за ручку двери.

– Когда ты возвращаешься в Питер?

– Завтра... У меня поезд завтра вечером, – тихо отозвалась я.

– Тебя проводить? Уверена, что с тобой все хорошо? Ты выглядишь неважно...

– Нет, не стоит. Правда, не стоит, Роберт. Со мной все в порядке. Спасибо, что показал Дамиру.

Не желая больше вести разговоров о прошлом, я открыла дверь и выскочила на улицу. И лишь когда оказалась в номере, прислонилась спиной к двери и осела на пол, чувствуя, как больно сжимается сердце. Мне казалось, я задыхаюсь, а

каждый глоток воздуха обжигает мне легкие.

Полина

– Привет! Как добралась? Не ожидал, что ты позвонишь и попросишь встретить тебя, – Быстров коснулся губами моей макушки и сжал в спасительных объятиях.

– Спасибо, что встретил меня... – я прижалась к нему и на секунду почувствовала себя защищенной. Захотелось остаться в этом мгновении, забыть о своей поездке в родной город. И о Роберте тоже.

Со вчерашнего дня я думала о нем и всей ситуации, которая сложилась между нами после смерти Кристины, и поняла: не смогу находиться рядом с Шалимовым, тянуть этот груз и без конца обманывать мужчину. Физически и морально это было тяжело. Утром снова шла кровь из носа от всех волнений и переживаний, я неважно себя чувствовала, и сейчас мне была необходима помощь и поддержка, которые мог дать только Паша. Одна я не справлюсь.

– Ну ты что, Поль?

Я судорожно втянула знакомый запах туалетной мужской воды и подняла глаза к лицу Быстрова.

– Что случилось? Может уже расскажешь?

Без понятия, куда подевался мой самоконтроль и выдержка. Как никогда я чувствовала свою уязвимость. И не отказалась бы от плаща-невидимки, чтобы в таких вот слож-

ных жизненных ситуациях прятаться от людей, которые могут причинить боль.

– Да, расскажу. Пошли в машину?

Я безумно соскучилась по Мышке и впервые возвращалась из поездки без гостинцев. Нужно будет попросить Пашу заехать в торговый центр. Оказавшись в салоне автомобиля, я начала свой сбивчивый рассказ о сестре и ее смерти, даже про мужа сестры рассказала, о его предложении принимать участие в жизни малышки. Умолчала лишь о том, что он отец моей Сафины. После такой правды сомневаюсь, что Паша захочет продолжать со мной отношения. Боже... С какой стороны ни взгляни на нашу с сестрой ситуацию, она выглядела ужасающе, а с годами это понимание становилось только отчетливее. Никакой плащ не спасет от такого стыда.

– Мне жаль. Терять близких больно. Почему ты сразу мне не сказала? Что за привычка все держать в себе, Поль? – он посмотрел на меня выразительными глазами. – Я же всегда готов прийти на помощь. Взял бы отгулы, вместе поехали. А знаешь... – он задумался. – Хочешь, я сам встречу с этим мужем твоей сестры и поговорю с ним?

– Я тебе не за этим все рассказала, а потому что очень переживаю за девочку. Она ведь одна осталась. Ты даже представить не можешь, как это тяжело без помощи родных воспитывать ребенка...

– Ты говорила, что он богатый человек? Так вот с его достатком вполне можно заниматься воспитанием со штатом

прислуги, — хмыкнул он. — Нашла о чем переживать.

— Ты не понимаешь...

— Нет, Полина. Я как раз все понимаю, что хочет этот человек. Скинуть на тебя часть своих забот о ребенке. Нет, решать, конечно, тебе, но... Тебе кто-нибудь помогал воспитывать Сафину? Ну они с сестрой как-то участвовали в вашей жизни? Рядом с вами кто был? Подруга твоя и старики эти, которые тебя приютили? Иногда твоя жертвенность и доброта за гранью моего понимания. Нужно становиться хладнокровнее. Как ты собираешься заведовать клиникой? У тебя есть стержень, но ты слишком мягкая.

Нечто такое я ожидала услышать от Павла. И это оказалось именно тем, что мне сейчас было необходимо. Встряска. Роберт разбудил во мне давно забытое чувство беспомощности. Тот месяц после свадьбы Кристины... Нам было тяжело пережить все события, которые разом свалились на нашу семью, как снежный ком. Каждый из нас по отдельности собирал себя по кускам, а мы с сестрой осознали, что на самом деле произошло, лишь незадолго до ее свадьбы с Робертом: отец провернул неудачную сделку, лишился больших денег и бизнеса, а Шалимов решил кардинальными методами избавиться от неугодного, ставшего вмиг обременительным, брака единственного сына на дочке нищего партнера. За несколько дней до свадьбы Крестину поймали на улице два отморозка, когда она возвращалась с занятий, запихнули в машину и изнасиловали. Сестра запретила об этом

рассказывать родителям. Я видела, как она тяжело отходила от шока и, будь на ее месте, не пережила бы такого, сломалась. А она взяла себя в руки. Не сразу, но взяла. Глядя на нее, я тоже пыталась держаться, хотя совершенно не понимала, что делать. Их брак с Робертом был давно оговоренной формальностью, он вот-вот должен был вернуться из-за границы, а тут такое...

Наутро, после ночи, которую я провела с Робертом, Рустам Альбертович позвал меня к себе в кабинет. Думая, что перед ним стоит Кристина, он схватил меня пальцами за подбородок и с ненавистью сказал, что я надолго не задержусь в его доме, а он найдет способ расстроить эту сделку и брак. В сердцах, даже толком не понимая, что делаю и говорю, я выплеснула ему в лицо, что его план с изнасилованием провалился, а его люди перепутали нас с сестрой. Пригрозила, если он не оставит меня в покое, то Полина предаст огласке методы его влияния на других людей, а от репутации уважаемого человека с глубокими священными принципами ничего не останется. Навряд ли эти слова тронули ледяное сердце чудовища, но тогда Шалимов-старший отпустил меня, а Кристина и Роберт после его возвращения из командировки переехали в другой дом. А я... Как и мечтала, отправилась в Санкт-Петербург, перевелась в медицинский, придумав для родителей историю о несчастливой любви. Готовилась к родам, мама обещала помочь с малышом, радовалась, что они с отцом станут дедушкой и бабушкой, родители купили би-

леты на самолет, чтобы помогать нам с дочкой первое время. Только их самолет разбился, а внучку они так и не увидели. С тех пор я на дух не переносила небо и панически боялась летать.

– Через три дня у нас совет директоров, помнишь? – спросил Паша.

Он припарковал автомобиль у моего дома, и мы вышли на улицу.

– Помню. Но честно признаюсь, еще не думала над твоим предложением. Извини...

– Да что тут думать, Полина? Соглашайся. Буду помогать на первых порах, а потом вклинишься в процесс, и все пойдет как по маслу. Ты умная, справишься.

– Спасибо, Паша, – я прижалась к нему, а он крепко обнял меня.

Мне хотелось бы доверять этому мужчине, почувствовать связь между нами, но все выходило так, словно я пыталась убедить себя, что у меня есть чувства к Быстрову. А были ли они на самом деле?

Договорившись, что встретимся завтра на работе, я попрощалась с Пашей и, поцеловав его в губы, направилась домой. Весь вечер я собиралась провести вместе с дочкой, очень соскучилась по Мышке, а после поездки в Казань внутри поселилось одно желание: крепко обнять ребенка и не отпускать от себя как можно дольше.

– Полина, ты почему опаздываешь? – раздался в телефоне недовольный голос Быстрова. – У нас сегодня встреча с Мирзоевым и подрядчиками. Саттар Эммануилович не приемлет такого отношения к работе, ты же хочешь зарекомендовать себя, как хороший сотрудник?

Я кивнула Мышке, чтобы садилась на стул, и нахмурилась, потому что не привыкла, чтобы Паша разговаривал со мной в таком тоне.

– Я уже в здании клиники, буду в твоём кабинете через пять минут, – сбросила вызов и принялась расстегивать курточку Сафины. – Дочка, я сейчас должна быть на совещании. Ты сидишь тихо в моём кабинете и занимаешься поделками и рисунками. Хорошо?

Сафина послушно кивнула.

Мышка обожала, когда я брала её на работу. Воспитатель из садика позвонила утром и сообщила о форс-мажоре слишком поздно. Времени вызывать на подмогу Тихомировых уже не было, и я решила взять Сафину с собой, а в обед Ефим Петрович и Мария Сергеевна заедут за ней и заберут к себе, потому что мне предстояло ночное дежурство.

– Мам, ты не переживай, – Мышка расположилась за столом, положила на колени сиреневый рюкзачок. – Я буду рисовать и из кабинета ни ногой.

– Вот и отлично, – я подошла к зеркалу, поправила причёску, мазнула блеском по губам, накинула халат и побежала в кабинет к Быстрову.

Всегда старалась быть пунктуальной, собранной и не позволяла себе такой роскоши, как опоздание. Если только очень редко и всегда по уважительной причине. И надо же было этому «редко» случиться именно сегодня. А еще я дико волновалась, потому что не хотела ничего менять в своей жизни, брать дополнительную ответственность, но и деньги были нужны позарез. Погашать кредит, за квартиру платить, за садик, за кружки Сафины. Одной тянуть это все было очень тяжело. Я крутилась изо дня в день как белка в колесе, чтобы заработать копейку.

Постучав в дверь, я опустила ручку вниз и, извинившись за опоздание, прошла к столу. Поймала осуждающий взгляд Паши и снова почувствовала себя не в своей тарелке, что в такой ответственный день опоздала на работу. Все один к одному! Присев на свободное место, окинула присутствующих беглым взглядом, и заметила Роберта, который спрятал телефон во внутренний карман пиджака и, прищурившись, направил на меня все внимание.

– Ну вот теперь можно приступать, – донесся бодрый и радостный голос Быстрова. – Хочу представить вам Валееву Полину Аркадьевну, нашего молодого, перспективного специалиста, готового возглавить новый филиал...

Я почти ничего не слышала, что он говорил.

Сердце пустилось вскачь, а руки, в которых я держала отчеты для своего выступления, задрожали. Взгляд Роберта пробирал до нервных окончаний.

– Полина Аркадьевна?

Я сглотнула огромный комок в горле, и глубоко вздохнув, заставила себя успокоиться.

– Во-первых, я очень благодарна Павлу Андреевичу за оказанное доверие, – язык едва шевелился. Я бросила на Быстрова взволнованный взгляд, затем на Мирзоева, стараясь не смотреть в сторону Роберта. – А во-вторых, подготовила план по проектировке здания и отчет по организации работы клиники. Как человек, который собирается заведовать таким масштабным объектом, болеющий душой за выявление патологий у плода на ранних стадиях наблюдения беременности, предлагаю, чтобы клиника специализировалась в первую очередь на оказании такого рода помощи, а так же поддержке новорожденных с критическим состоянием, требующих экстренной госпитализации или хирургического вмешательства.

Я встала, положила дубликаты папок с проектом, над которым работала несколько ночей подряд, перед мужчинами и принялась подробно рассказывать о ключевых моментах, которые необходимо учесть при строительстве и ремонте здания. Мой отчет занял полчаса, я выложились на все сто процентов, и мне стоило больших усилий, чтобы не запнуться, не начать блестать, потому что все это время Роберт не сводил с меня синих пронизательных глаз.

Полина

Мне казалось, это совещание никогда не закончится. Но час переговоров и нахождение с Шалимовым в одном кабинете, как выяснилось, было цветочками, потому что худшее ждало впереди: теперь мне вплотную предстояло сотрудничать с компанией застройщика и обсуждать работу над проектом непосредственно с Робертом и его помощниками, с которыми он пришел сегодня на совет директоров. За что мне это? Зачем я только согласилась на эту должность?

Я пулей выскочила из кабинета Быстрова, получив на руки примерный график встреч с человеком Шалимова, и направилась к Мышке. Ведь как чувствовала, что плохая это затея – соглашаться на предложение Паши! Ну не приведет оно ни к чему хорошему!

– Неожиданный поворот, – услышала за спиной голос Роберта и почувствовала, как сердце сжалось в груди.

Ну вот, начинается... Зачем судьба нас вновь сталкивала? Во мне давно боролись две сущности: одна испытывала интерес к Роберту, а другая его презирала. Хотя в чем была его вина? Что я тогда сама пришла к нему в спальню? А что в итоге получилось? К чему привели все эти жертвоприношения? Да, меня никто не насиловал, я не сидела на успокоительных, как сестра, не вздрагивала, когда элементарно

касались моего плеча. Но... это маленькое «но» сидело сейчас в моем кабинете, а в силу своего возраста и возросшего любопытства все чаще интересовалось, где ее папа и почему он не хочет с нами общаться. Шесть лет назад я пожалела не только сестру, но и отца, который мог бы сесть в тюрьму за прогоревшие сделки и обвинения в спекуляции, потеряв поддержку Шалимова. Мать бы не вынесла такого удара, слегла со своим больным сердцем. Только вот сейчас, в случае раскрытия всей правды, кто пожалеет меня? Кто поддержит? Где были те, ради которых я решилась на это все? В могиле! И очень сомневаюсь, что Роберт адекватно примет факт своего отцовства, когда узнает, чья Сафина дочь. На понимание с его стороны не следовало рассчитывать...

– Отличная речь. Сама готовила? Или кто-то помогал? – Роберт вопросительно выгнул бровь.

– На что ты намекаешь? – пробормотала я, касаясь ладонью вспыхнувших щек.

– По мне так очевидно, что между тобой и главным врачом клиники романтическая связь. Мне же не показалось?

– Это не твое дело! – резко ответила я и с трудом сглотнула, но ком так и остался стоять в горле.

– Конечно, не мое. Но я польщен твоим подходом к делу и рад твоим успехам. «Медундустрия» давно занимает лидирующие позиции среди прочих клиник. Думаю, ты сделала правильный выбор и заслуживаешь этого места, как никто другой. И я нисколько не удивлюсь, если в скором време-

ни ты изменишь свой статус, а вы с Быстрым будете вести нечто вроде семейного бизнеса. Это называется рациональный подход к делу, Полина.

Меня почему-то задевали его слова, хотя возможно он и в самом деле был рад за меня. Только я не просила Роберта давать оценку моей личной жизни. Как и составлять прогнозов на ближайшее будущее.

– Как Дамира? Ты привез ее с собой? – решив перевести тему разговора в другое русло, спросила я.

– Да, они с матерью и Лизой сейчас в новом доме. Все хорошо, а я потихоньку привыкаю к роли отца.

С той самой медсестрой из Казани? Я тяжело вздохнула. Это, конечно, было неправильно и очень печально, что малышка осталась без материнского тепла и любви.

– Если ты желаешь ее увидеть, то вот мои контакты, – он протянул мне визитку. – Можете приезжать с дочкой в любое удобное для вас время. Маму только нужно будет предупредить. Она очень любила Кристину. Реакция на твое появление вызовет у нее много слез. Для всех будет лучше, если в этот момент я буду находиться дома.

– Я... – запнулась, так и не найдя подходящих слов.

– В чем причина, Полина? – сузив глаза, спросил Роберт. – Ты же хочешь общаться с девочкой, я вижу. Ну? – он посмотрел на меня долгим, пронизательным взглядом.

Я собиралась ответить, что у меня нет времени, но не успела. Дверь моего кабинета, у которого мы стояли, приот-

крылась, и появилась голова Мышки.

– Мам, – пропищала Сафина тонким голоском. – Я услышала тебя... Здравствуйте, – она подняла синие глаза на Роберта и прижалась ко мне, глядя исподлюбья на своего родного отца.

Я не знала, на ком из них сосредоточить внимание в этот момент. Мышку Роберт видел сегодня впервые. Кристина изредка приезжала к нам с Сафиной, чтобы посмотреть, похожа ли она на Шалимовых. Чем-то очень была похожа, но как сказала Алёна, Роберт вряд ли будет проводить параллели между собой и Сафиной. Да и мало ли кто был моим парнем шесть лет назад, от которого я родила дочь? Это же вполне нормально, когда сестры выбирают схожих по внешности мужчин! Неправильно только то, что моя дочь чужого человека будет называть отцом. Но признаться Роберту в этом я не смогу. Думала об этом всю неделю и поняла, что не хватит духу. Нет...

Лицо Шалимова вытянулось, и на нем появилось выражение озадаченности. Он не ожидал увидеть ребенка? Тем не менее, быстро взяв себя в руки, он улыбнулся Сафине искренней и теплой улыбкой. Складка на его лбу разгладилась, а мое сердце защемило от нежности.

– Привет! Кто это у нас тут? – перевел на меня улыбающийся взгляд. – Твоя?

Я кивнула.

– Я Мышка. То есть Сафина... – дочка смущенно потупи-

ла взгляд и обняла меня за ноги.

– Мышка? – переспросил он, а я заметила небольшие морщинки в уголках глаз Шалимова. Я наблюдала за ним и Сафиной, затаив дыхание.

– Да. Я родилась очень крошечная, бабушка Маша назвала меня слабым, маленьким мышонком. Так это прозвище и прицепилось ко мне...

Несмотря на то, что я родила Сафину в срок и абсолютно здоровой девочкой, весила она всего два с половиной килограмма. Да и сейчас она была хрупкой, маленькой и выглядела не на пять лет, а значительно младше.

– А ты почему с мамой на работе?

– В садике форс-мажор, – я пришла на помощь Сафине, которая вконец засмушалась. – Оставить ее было не с кем. Иди, дочка, я сейчас приду, – погладила ее по голове.

Мышка, попрощавшись с Робертом, послушно прикрыла за собой дверь, а я сложила руки на груди, чтобы не выдать своего волнения и трясущихся конечностей. Но и внутри все содрогалось, словно я попала в эпицентр землетрясения!

– Красивая девочка. Все же у вас с Кристиной прекрасный генофонд, – грустно улыбнулся Роберт.

А может быть, все дело было в отце девочек? Роберт – мужественный, привлекательный мужчина, и выразительные синие глаза, темные волосы и пухлые губы Дамира и Сафина унаследовали от него, а не от нас с сестрой.

– Извини, Роберт, я тороплюсь. Наша встреча по графи-

ку через неделю на объекте, так? – я вежливо давала ему понять, что наше время истекло.

– Да, – он кивнул. – Но я надеюсь, вы с Мышкой, – Роберт слабо приподнял уголки губ, когда произнес прозвище Сафины, – захотите увидеться с Дамирой раньше.

Я поджала губы, из последних сил стараясь не терять самообладания. От мысли начать общение с Робертом становилось не по себе. И это беспокойное чувство было вызвано грузом вины, который я носила внутри много лет. Как же важно в жизни быть откровенным. И в первую очередь с самим собой. Нельзя принимать решения на скорую руку. Но что теперь толку переливать из пустого в порожнее, когда главные ошибки допущены?

– Полина Аркадьевна, Роберт Рустамович? – за нашими спинами раздался голос Быстрова. – Уже приступили к обсуждению проекта?

Последовала напряженная пауза, а я ощутила, как по спине поползли неприятные мурашки.

– Еще нет, – холодно ответил Роберт. – Ладно, Полина, пока, – попрощался он, развернулся и направился к лифту.

Шалимов даже ради приличия не стал скрывать свою неприязнь к мужчине, который дал мне так много всего. Почему?

– Зайдем? – Паша кивнул в сторону моего кабинета.

– Если ты по рабочему вопросу. Там сейчас Сафина. Быстров нахмурился.

– Мне не с кем было оставить сегодня дочку... – начала я оправдываться, по-своему истолковав его длительное молчание.

– Вы знакомы с Шалимовым? – перебил он меня.

– Да... – я запнулась и, набрав в легкие воздуха, произнесла: Это и есть тот самый муж моей сестры, про которого я тебе рассказывала.

На лице Паши отразилось удивление, которое сменилось недоумением.

– И что он хотел от тебя?

– Ничего. Просто сказал, что я хорошо выступила с отчетом, и он будет рад нашему сотрудничеству.

– Вот как... – задумчиво произнес Паша и сделал шаг в сторону моего кабинета, открывая дверь.

К моему изумлению он не стал меня отчитывать за то, что я привела ребенка на работу, хотя такое не поощрялось у нас в коллективе. Поздоровался с Мышкой и, пообещав вечером заглянуть ко мне, оставил нас одних.

Полина

– Это были лучшие три недели в моей жизни! Самые романтичные, самые-самые... – счастливо вздохнула Алёна и мечтательно закатила глаза.

– Ох уж этот медовый месяц, – я расплылась в улыбке.

– И не говори. Не удивлюсь, если после такой насыщенной интимной программы я попаду к тебе на прием.

– Тогда поторопись, а то я согласилась на свою голову на предложение Быстрова.

– Что? – подруга округлила глаза. – Он... Ты...

– Господи, Алёнка, – рассмеялась я и поднялась со стула, чтобы включить чайник. – Да спустись ты со своих облаков. По работе предложение, помнишь, я тебе рассказывала недавно по телефону?

– По работе значит... – тихо повторила она и тут же поникла. – А я уж думала... Ладно, проехали. Работа – тоже хорошо, а повышение, тем более. Нет, но все же, что там на личном фронте? Сколько уже за тобой ходит Быстров? Когда уже созреет на что-нибудь серьезное?

– Давно. Со студенческой скамьи.

Мы познакомились с Пашей, когда я училась в медицинском университете. Он читал лекции весь семестр вместо профессора Борисова, которого подкосил недуг. По Быстро-

ву сходили с ума все девчонки, а он из всего потока студентов на кафедре почему-то выделил меня, и позднее предложил заработать денег, узнав, что я одна воспитываю дочь. Устроил на полставки к себе в клинику, помог с жильем... Так между нами возникла сначала симпатия, затем дружеское общение, и как следствие, романтическая связь.

– А как там Шалимов поживает?

Я сникла, вспомнив о завтрашней встрече с Робертом, и почувствовала, как внутри снова поселилось мучительное беспокойство.

– А ну-ка, давай, рассказывай, пока Мышки нет дома, – Алёна пристально всмотрелась в моё лицо.

Как на духу я изложила все, что произошло в последние дни, и не забыла упомянуть про встречу Мышки и Роберта, а также про весь спектр собственных ощущений по этому поводу.

– Поль... – серьезно начала Алёна. – Ты только не воспринимай мои слова сразу в штыки, но мне кажется, тебе нужно собраться с духом и пойти на сближение с Робертом, сделать шаг навстречу и все ему рассказать. Кристины больше нет... Ваши договоренности с сестрой канули в небытие. Неужели ты всю оставшуюся жизнь собираешься нести этот крест? Нет, конечно, можно молчать, но смысл? Вот увидишь, потом будет легче.

– Не знаю... – полушепотом отозвалась я. – Умом понимаю, что так будет правильно, но как представляю, что начну

ему это все говорить... – и тут же вздрогнула, почувствовав, как по спине пробежала неприятная дрожь от одной только мысли – сказать ему о той ночи.

– Некоторые вещи необходимо делать своевременно. Согласись, Поль, что для Мышки будет за радость, когда у нее появится настоящий отец и сестренка? При других обстоятельствах об этом не могло идти и речи, но сейчас... – Алёна положила свою руку на мою ладонь и легонько сжала ее.

Все я понимала, тем не менее сердце от страха сжималось в груди, стоило представить последствия этого «разговора по душам». Может быть, и в самом деле начать общаться с Робертом, чтобы узнать его поближе? Хотя бы ради того, чтобы понять, что он не пошел характером в своего отца, а нам с Мышкой не грозит никакая расправа в виде расставания и лишения меня родительских прав? Не хватало, чтобы он обозлился и отобрал дочь. Почему-то мне казалось, что медсестра, которую он привез из Казани в качестве няни для Дамиры, будет рада взять на себя уход и за моей девочкой, лишь бы остаться при Роберте и никого к нему не подпускать. Возможно, я ошибалась, не знаю...

– У меня завтра встреча с Шалимовым на объекте. Ты чем завтра занимаешься? Может быть, съездишь со мной? – с надеждой посмотрела в лицо подруги.

– Нет, – Алёна отрицательно покачала головой. – Завтра у нас прогулка по городу с мамой Карима. Ты же в курсе, что она была против нашей свадьбы, я не могу с пренебрежени-

ем отнестись к ее приглашению. Нужно налаживать контакт. И ты подумай над моими словами. Присмотрись к Шалимову, узнай его поближе. Может, не так страшен черт... — она толкнула меня локтем в бок и задорно рассмеялась.

Да и не похож он на него. Скорее на дьявола-искусителя. Но говорить об этом вслух я не стала.

Мы допили с Алёной чай, прогулялись пешком до садика за Мышкой и зашли на детскую площадку. Домой с Сафиной мы вернулись поздно, а остаток вечера провели вдвоем. Я без конца прокручивала в голове слова Алёнки. Может быть, и в самом деле попытаться узнать Роберта поближе, а потом все ему рассказать? Не уверена, что смогу вот так разом вывалить на него, что уже как пять лет он был отцом моей дочери, а мы с Кристиной знали об этом, но молчали. Но попробовать все же стоило.

За пять часов, которые я успела провести на работе, устала так сильно, словно отпахала несколько дежурств подряд. Сказывалась переработка, недосып и нервное переутомление. Но лучше так, потому что в любую освободившуюся минуту я начинала задуматься о том, что сегодня снова увижусь с Робертом. Забежав в кабинет, чтобы переодеться, я потянулась за телефоном. Надо было позвонить Марии Сергеевне и предупредить, что задержусь. И в этот самый момент на пороге появился Быстров.

— Полина, ты еще не уехала?

К моему изумлению Паша был в верхней одежде. Он тоже куда-то собирался? Я мельком взглянула на часы, которые висели на стене, затем на Быстрова. Он никогда не покидал рабочего места раньше семи вечера.

– Нет, только собираюсь... – я застыла на месте, глядя на Быстрова.

– Ну вот и отлично, – отчеканил он. – Мне нужно в город. Спускайся, подброшу тебя на встречу с застройщиками, а потом заберу.

– Хорошо... – я пожала плечами, ничего не понимая. С чего вдруг такие привилегия? – Сейчас только отменю такси, – потянулась к телефону и набрала последний номер из списка контактов, а когда закончила разговор и повернулась к двери, Паша уже вышел из кабинета.

Неужели он меня ревновал к Роберту? Впервые за годы наших отношений он так открыто проявлял эмоции. Обычно сдержанный, всегда серьезный... А сейчас вдруг что изменилось? Прихватив сумку и папку с бумагами, я направилась вниз, стараясь не думать о предстоящей встрече с Робертом. Может быть, он пришлет на объект кого-нибудь из своих помощников? Это бы всем упростило задачу. Ладно, не всем, только мне.

Я вышла на улицу и подошла к машине Быстрова. Забралась внутрь и поймала напряженный мужской взгляд: Паша разговаривал с кем-то по телефону, быстро кивнул мне, чтобы я пристегнулась. Мы выехали с парковки. Изнутри меня

начала жечь предательская мысль, что я была бессовестной лгуньей и обманывала обоих мужчин. То и дело я прокручивала в своей голове наш разговор с Робертом, как я признаюсь ему, что родила от него дочь пять лет назад. Пыталась представить его реакцию, но все заканчивалось ужасно в моем воображении. Но ни разу до этой минуты я не задумалась о чувствах Паши. Что он будет испытывать по отношению ко мне, когда узнает кто отец Мышки, которую он так обожал?

– Полина, ты слышишь? – я повернула голову в сторону Быстрова, он смотрел на меня сосредоточенным взглядом.

– Я задумалась. Извини. Что ты сказал? – переспросила, улыбнувшись краешком губ.

– Ты не против, если первую встречу с застройщиками я проведу вместе с тобой?

– Разве ты... – я запнулась, глядя в его лицо. – Паша, что происходит?

До этого дня Быстров не проявлял даже и намека на ревность. Наши отношения изначально были построены на доверии. В Паше я видела идеального спутника жизни, предложи он мне нечто большее, чем просто отношения и постель, я бы не задумываясь, согласилась стать его женой. Но таких предложений мне не поступало.

– Мог бы сказать, что переживаю за тебя и просто хочу поддержать, но уверен в тебе на сто процентов. Поэтому буду откровенен: мне не очень нравится вся эта история с появлением мужа твоей сестры. Я настаиваю, чтобы ты держа-

лась от него подальше. И ему я намерен сегодня сказать то же самое после переговоров.

Я сжалась и затаила дыхание.

– Ты моя женщина, а я не позволю никому другому в моем присутствии пожирать тебя глазами. Считаю этой моей прихотью, ревностью, сумасбродством, но своим делиться я не намерен. Лучше предупреждать преступления, чем их наказывать.

Неужели Быстров переживал из-за того, что я предпочту нашу надежную связь какой-нибудь интрижке на стороне? Что за глупости?

– Паша... – обескураженно выдохнула я, даже не зная как реагировать на эту откровенность. – Мне кажется, что сейчас ты перегибаешь палку... Ты собираешься устроить Роберту скандал? На каком основании?

– Не скандал, Полина. А обозначить человеку границы, которые ты, как я понимаю, выстраивать не собираешься.

Полина

– Останови машину, Паша. Я поймаю такси, – попросила я, втянув в легкие воздух, чувствуя, как меня потряхивает от возмущения. – Будет лучше, если мы увидимся вечером, и обсудим все в спокойной обстановке...

Быстров собирался помочь мне выстроить границы с другим человеком, но при этом сам переходил черту. Я не выносила давления, и он прекрасно об этом знал. К тому же у него не было на меня никаких прав, чтобы диктовать сейчас свои условия, тем более доносить их в таком тоне.

– Что? – он непонимающе посмотрел на меня. – Полина, каким вечером?

– Хорошо... – протянула я. – Давай обсудим сейчас. Я не понимаю, о каких границах идет речь. Ты, может быть, забыл, но мы с Кристиной не чужие друг другу люди, а Роберт остался с младенцем на руках, и в одно мгновение потерял практически всех близких ему людей. Я сама была в такой ситуации, знаю как это тяжело. И если на то пошло, ты сейчас вдвойне не прав, потому что сам пережил однажды подобное, оставшись с ребенком на руках. Разве нет?

Паша сжал руками руль до побеления костяшек.

– Не прав значит? – он покачал головой и дерзко усмехнулся. – Именно потому, что сам был в такой ситуации, по-

нимаю, что задумал Шалимов. Только знай, Поля, из этой жалости потом могут вспыхнуть сильные чувства, такие как: привязанность, нежность, общая забота о детях... Это все сближает, поверь мне. Особенно, когда дети маленькие, а взрослые люди заинтересованы в том, чтобы дать им как можно больше душевного комфорта и тепла. Он же смотрит на тебя, а видит ее! Ты это понимаешь? Ее видит, а не тебя! Только пока ты по вечерам в комнате у своих стариков размышляла о том, чем побаловать себя на ужин: гречкой с дешевыми сосисками или голыми макаронами, твоя сестра жила, как королева с обеспеченным мужем. А на нищенскую стипендию, ты забыла, как жила с ребенком и сводила концы с концами? Исходя из всего, что услышал от тебя, когда ты вернулась из Казани, видя твое расшатанное состояние, я сделал вывод: Шалимову не составит труда прогнуть тебя под свои решения. Ты даже не успеешь опомниться, как всецело окунешься в заботы о его дочери. Полина... – устало вздохнул он и взглянул на меня. – Я хочу уберечь тебя от ошибок.

Для меня всегда было важно чувствовать себя свободным человеком. Кристина же, не колеблясь ни минуты, согласилась на брак с мужчиной другого менталитета и устоев, которого почти не знала. Мы с сестрой были совершенно разными людьми, но не в том ключе, в каком увидел отличия Роберт: Кристина жила в золотой клетке, была зависима от решений других людей, а я бы так не смогла! С детства не

умела скрывать своих чувств и эмоций и, в отличие от сестры, давно бы выцарапала глаза насильнику и подонку, разрушившему светлые мечты. Такое за гранью моего понимания. И Пашины опасения я не разделяла. Откуда взялась эта ревность и недоверие? С чего он решил, что я собиралась сблизиться с Шалимовым, когда все шесть лет делала обратное?

– С какой стати семья сестры должна была меня содержать, Паша? Да, я много не зарабатывала, крутилась, как могла, но рядом всегда были надежные люди. И ты, в том числе. Родители оставили нам с Кристиной небольшие сбережения, сестра отдала мне свою долю. Разве этого недостаточно? Да при чем здесь вообще деньги? Ты несешь полную ерунду!

– Да, деньги здесь ни при чем, – согласился он. – Дело совсем в другом, Полина. И все, что я сказал – не ерунда. Когда Марина умерла, а я остался с Леськой один, чувствовал себя одиноким, потерянным и пустым. Разом столько всего навалилось, что мне захотелось сбросить часть забот по ее воспитанию хоть на кого-нибудь, но рядом никого не было. Неужели ты действительно готова взвалить на свои плечи заботу о чужом ребенке и мужчине?

Повисло долгое молчание. Паша, нахмурившись, следил за дорогой. Мы редко с ним выяснили отношения. Точнее никогда. И сейчас я не понимала этой резкой перемены в его настроении. Раньше его не смущали мои однокурсники, которые проявляли знаки внимания или приглашали меня на

свидания в университете, даже анестезиолог Ларин, в открытую ухаживающий за мной, не вызвал у него столько эмоций. Так что же изменилось сейчас? Или все дело было в том, что Роберт был выше Быстрова по статусу, моложе и перспективнее, а он увидел в нем достойного соперника? Паша всерьез думал, что я ищу себе спонсора и с радостью прыгну в постель к бывшему мужу сестры? Что он пытался донести до меня всеми этими словами?

– Ты ведь меня ни к кому и никогда не ревновал... – сглотнув комок в горле, произнесла я. – А сейчас... Почему так остро встал вопрос с Шалимовым именно сейчас? – потребовала я ответа. – Неужели ты такого низкого обо мне мнения, что отчитываешь, как глупую девчонку? – я чувствовала, что еще чуть-чуть и расплачусь.

– Не пори горячку, Полина! – процедил Паша сквозь зубы. – Я высокого о тебе мнения, и ты прекрасно это знаешь. Ты далеко не глупая, но слишком доверчивая.

– Не раз и не два ты говорил мне, что между нами большая разница в возрасте, что я еще слишком молода для семьи, что нужно крепко встать на ноги... Но это ведь все отговорки, да? В чем дело, Паша? У тебя есть кто-то еще?

Он с силой ударил ладонью по рулю, и выругался, а я уставилась на свои колени, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Я впервые видела, чтобы он так открыто проявлял при мне свои эмоции.

– Нет у меня никого! И да, я хочу обозначить Шалимову

границы в общении с тобой, потому что при всем своем желании надеть кольцо тебе на палец и привести домой в ближайшие год или два не смогу. Я не готов потерять родную дочь, которая против этого брака. Но и тебя терять не хочу, понимаешь? Считаю это слабостью, малодушием, всем, чем угодно. Но не готов я причинять боль ни одной из вас, потому что обеих люблю. Как и позволить этому хлыщу давить на твои слабые места! Я больше чем уверен, что он заинтересован в том, чтобы пойти с тобой на сближение из-за своей дочери, и будет играть нечестно, выискивая поводы для ваших встреч.

– Паша... – тихо произнесла я, обескураженная всеми его словами. Быстров никогда не говорил мне, что Лесья против меня и нашего брака. Так вот в чем дело... – Не нужно никуда ехать. Правда. Мы с Робертом никогда не будем вместе, потому что Кристина и я... Мы совершенно разные. И все твои слова сейчас отдаются болью в груди, потому что... Почему ты сразу ничего не сказал мне о Лесе? Что она против меня и Сафины?

– Полька... – он шумно выдохнул. – Никогда не говори никогда. А по поводу Леськи... Ну а что я должен был сказать? Я обожаю тебя и твою дочь. И женился бы на тебе хоть сейчас, но сложно это все, понимаешь? Ты сама мать, знаешь, что кардинальными методами такие вопросы, особенно в возрасте, как у Леси, не решаются. К чему бы это все привело? К скандалам? К агрессии? Я так не хочу. А Шали-

мов... Такие люди, как он, открыто не играют, и четко знают, что делают, зачем, и когда. Не успеешь опомниться, как окажешься у него дома, потом привяжешься к девочке, а зная твой материнский инстинкт... — он хмыкнул и покачал головой. — Ну что прикажешь мне делать? Смотреть, как сам собственноручно разрушаю свое счастье, потакая эгоистичным замашкам дочери? — Быстров смотрел на меня потухшими, грустными глазами.

Смерть Кристины и появление Роберта как раз совпало с тем периодом, когда я ждала от Быстрова активных шагов или действий в отношении нас, но ничего не происходило. Зато он предложил мне высокую должность и теплое местечко... Но Леся уже была взрослой девочкой, без пяти минут совершеннолетним человеком, и должна отдавать себе отчет, что отцу предстоит жить дальше. Что в его тридцать девять вселенная не крутится только вокруг нее одной и ее запросов. Откуда такой эгоизм?

— Ладно, — Быстров включил поворотник и припарковал машину у обочины. — Иди одна. Надеюсь, мы услышали друг друга. Позвони, как закончишь, я буду здесь неподалеку на встрече с Мирзоевым.

— Паша... — я коснулась его руки.

— Иди, Поль, пока я не передумал, — грубо оборвал он меня.

— А ведь я изначально не хотела возглавлять этот филиал! И ты прекрасно это понимал... Как и то, что когда я погру-

жусь в новый проект, то перестану думать о совместном будущем, потому что у меня не останется на это время, да? – в сердцах выпалила я, но ответом мне была тишина.

С глаз будто спала пелена. Открыв дверцу, я выскочила на улицу, чувствуя внутри опустошение и боль. Холодный порыв ветра немного остудил мой пыл, но на сердце было все так же тяжело и больно от понимания, зачем Паша затеял это все с моим назначением в новой клинике.

Я даже предположить не могла, что все дело было в Лесе. И кто бы мог подумать, что она ставила ему ультиматумы... Замкнутый круг, ей-богу! И ведь сердцу не прикажешь: меня тянуло к Быстрову, и это чувство было взаимным. Семнадцатилетней Лесе я бы не смогла никогда заменить мать, но разница в возрасте позволяла стать для нее хорошей подругой. Если бы она только того захотела...

Полина

Мне казалось нестерпимым это выворачивание правды наизнанку, эта попытка Быстрова подогнать все под свою версию мировоззрения. Внутри было больно, я дрожала всем телом, быстро перебирала ногами, заставляя себя успокоиться и настроиться на рабочий лад, но у меня ничего не получалось.

– Полина! – я остановилась у здания будущей клиники, услышав голос Роберта.

Обернулась и заметила, как он вышел из машины. Черная челка упала ему на лоб, он пригладил пятерней волосы и уверенным шагом направился ко мне в сопровождении помощника. Кажется, его звали Гарик, если мне не изменяла память? Он был с Шалимовым на прошлом совете директоров.

На улице срывался дождь, как и в нашу последнюю встречу с Робертом в Казани, а холодные порывы ветра пробирали до костей.

– Добрый день, – я поздоровалась с мужчинами, и зябко поежилась, желая уже оказаться внутри здания.

– Сейчас по-быстрому осмотрим объект, сверимся с проектом, Гарик внесет правки, и рабочие на следующей неделе приступят к отделочным работам. Думаю... – Роберт с

задумчивым видом окинул помещение внимательным взглядом, а затем сосредоточился на мне. — Через месяца три ты уже будешь сидеть в своем новеньком роскошном кабинете и отдавать распоряжения сотрудникам, — он тепло улыбнулся, мелкие морщинки собрались вокруг его глаз, а я вспомнила о нашей недавней встрече, когда он так же радовался, увидев Сафину.

Задумавшись, я не увидела под ногами мешки с мусором и едва не споткнулась об них, но Роберт вовремя поддержал меня и схватил за локоть, притягивая к себе.

— Аккуратнее, — произнес он, оглядываясь вокруг. — Рабочие вчера сносили стены, кругом строительный мусор. Гарик, принеси каски, — распорядился он.

Ощувив смущение, я высвободила свою руку, отодвинулась от него и отвернулась, сделав вид, что разглядываю бардак под ногами. Настроение после разговора с Пашей было отвратительным. И я бы с радостью осталась сейчас одна, чтобы обо всем подумать и успокоиться. На рабочий лад перестроиться никак не получалось.

— Все нормально? — спросил Роберт, заметив мое состояние.

— Да, все хорошо. Осматриваю новые владения. И пока... Даже представить не могу, что тут будет чисто, — натянула подобие улыбки, но она все равно получилась грустной и вымученной.

— Будет чисто и очень красиво, — заверил меня Шалимов. —

Завтра Гарик скинет тебе на почту окончательный макет. Обсудите с вышестоящим начальством с учетом сегодняшних правок, и если всех все устроит, с нашей стороны гарантируем, что закончим работы в кратчайшие сроки.

Не знаю, из-за чего так переживал Быстров, но весь час, который мы осматривали здание будущей клиники, прошел на сугубо деловой ноте. Роберт даже не пытался со мной заговорить на личные темы, а я все же отвлеклась и расслабилась, погрузившись в работу. Расспрашивала у Шалимова о нюансах, вносила в свои записи заметки, чтобы потом обсудить это с Пашей. Хотя в ближайшие несколько часов не хотела с ним никаких встреч. Следовало переварить всю информацию, которую он вывалил на меня, а потом уже снова пытаться о чем-то договориться.

Роберт и Гарик отошли к окну, проводя какие-то расчеты и замеры на планшете, а я закрыла папку и потянулась в сумку за телефоном. Набрала сообщение Быстрову, что мы закончили, а он может приезжать за мной, и нажала на кнопку «Отправить сообщение», как внезапно услышала грохот и шум.

Получив сильный удар в плечо, я вскрикнула от боли, ничего не понимая, и выронила телефон из рук.

– Полина... В сторону! Немедленно! – до меня донесся громкий возглас Роберта, а в следующую секунду я увидела, как он бросился ко мне, но почувствовала еще один сильный удар, который пришелся на голову и спину.

Больно приземлившись на колени, я снова услышала грохот. Поднялся столб пыли, а когда он рассеялся, заметила рядом с собой огромный кусок штукатурки.

– Полина! Посмотри на меня!

Преодолевая боль в теле, я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, и только после этого попыталась поднять голову.

Глаза резало то ли от пыли, то ли от выступивших слез и боли. Сильно досталось левому плечу и спине... Роберт коснулся моего лица, снял с меня каску. Его руки дрожали, а сам он выглядел не на шутку взволнованным.

– Вроде бы все в порядке... – слабо проговорила я, когда он осмотрел мою голову. – Помоги мне, пожалуйста, подняться...

Вцепившись в Роберта, я с трудом поднялась. Шалимов прижал меня к себе, а я почувствовала, как быстро бьется его сердце в груди. Я и сама испугалась, но, кажется, все обошлось. Сделала несколько шагов с его помощью, но внезапно все вокруг закружилось, в глазах потемнело... Сильная вспышка боли в затылке лишила меня последних сил, и я обмякла в руках Шалимова.

– Гарики, вызывай «скорую», – раздался встревоженный голос Роберта откуда-то сверху.

Почувствовав, что меня больно хлопают по щекам, я приоткрыла глаза. Вращение стало замедляться, а я начала воспринимать окружающее четче и яснее, поняв, что лежу на

твёрдой поверхности.

— Роберт... — поймала его бледное лицо в фокус. — Набери Алёну, жену Карима... — еле слышно проговорила я. — Пусть заберет Сафину из садика и отвезет к Тихомировым, — в ушах звенело, кожа покрылась липкой испариной. Губы запеклись, как будто я не пила целую вечность. Казалось еще чуть-чуть, и я снова потеряю сознание.

С пробивающейся щетиной и всклокоченными волосами Шалимов сейчас выглядел старше своих лет. Он ничего не ответил, поднял меня на руки и понес на улицу. Перед глазами все кружилось, как будто я каталась на супер-экстремальных аттракционах, а левое плечо болело, словно мне его ломали без наркоза. Все смазалось в моей голове от этой боли, я не реагировала на звуки и на все, что происходило вокруг. Разум бунтовал, отказывался принять то, что со мной произошел несчастный случай.

В какой-то момент мне померещилось, что я слышу голоса Быстрова и Шалимова. Вперемешку. В сознании все путалось, я без конца погружалась в темноту, а в недолгие моменты просветления перед глазами всплывало лицо Сафины, и жуткая, дикая паника сдавливала горло своими когтистыми лапами: моя девочка останется одна, если со мной случится что-то страшное и непоправимое.

Полина

Я пришла в себя резко, словно по щелчку. Открыла глаза и увидела белый потолок, а затем услышала тихий голос Алёны. Повернула голову и заметила ее, стоящую у окна с телефоном в руках. Из-за слабости веки слипались, сильно болело плечо, а во рту стояла засуха. Я опустила глаза к руке и заметила в той катетер. Меня мутило, я с трудом понимала, почему нахожусь в больнице... А когда по кусочкам восстановила все фрагменты в одну картинку, пошевелила пальцами на ногах и руках. И выдохнула от облегчения, что они двигались и слушались меня. Стать инвалидом и обузой для дочери – сомнительная радость.

– Полька! – Алёна услышала мой глухой стон, когда я попыталась приподняться и сесть. – Ты пришла в себя? Наконец-то! – она тут же завершила вызов и подошла ко мне.

– Скажи мне правду, – попросила я, чувствуя тугую повязку на плече. – Что со мной?

– А что с тобой? – Алёна присела на стул возле моей кровати, погладила меня по руке и тепло улыбнулась.

– Говори, как есть, – с трудом прохрипела я. – Я теперь инвалид?

– Ты не инвалид. У тебя вывих плеча. Множественные ушибы, сотрясение головного мозга. Недельку или две при-

дется полежать, прежде чем снова начнешь работать, как пчелка. А еще... – она загадочно улыбнулась и кивнула куда-то в сторону. Я проследила за ее взглядом и заметила два красивых букета на тумбочке рядом с кроватью. – Смотри, какой сервис! Всех перепугала не на шутку этим несчастным случаем на стройке...

– Что с Мышкой? Ты ей сказала что-нибудь обо мне? Роберт тебе позвонил? Где она сейчас?

Я проигнорировала ее намеки на сервис и цветы, потому что все мои мысли были сейчас о Сафине.

– Мышке я ничего не сказала, – спокойно ответила Алёна. – А Шалимов... – немного помедлив, она продолжила: Он вчера забрал Сафину из садика вместо меня.

– Что? Нет... Ты шутишь? – я вытаращила на нее глаза.

– Нет. Я была со свекровью, и мы с ним договорились, что он сам заберет Мышку из садика. Тихомировых я решила не тревожить в ночь, потому что Мария Сергеевна и Ефим Петрович с ума бы сошли от волнения после таких новостей. Я сама чуть не поседела, когда узнала об этом, – она обвела глазами мое тело и остановила взгляд на плече с повязкой.

– Получается, она провела с ним весь вечер? У него дома? – на теле выступил холодный пот.

– Ну да, – Алёна пожала плечами. – С родным отцом. И ничего страшного в этом нет. Сейчас Сафина в садике, а Тихомировы не в курсе, что с тобой произошло несчастье. У Марии Сергеевны слабое сердце... Я не захотела брать на

себя такую ответственность.

– Боже... – я прикрыла ладонью рот. В голове не укладывалось, что все, сказанное Алёной было, правдой. Кошмар на кошмаре. – Сколько я была без сознания?

– Почти сутки.

Я попыталась успокоиться, взять себя в руки, но ничего не получалось. Меня словно парализовало от услышанного: Сафина провела вечер с Робертом.

– Даже не знаю, на чьей я теперь стороне... – загадочно улыбнулась Алена, не обращая на мое состояние внимания.

Подругу не смущало, что я дрожала от всех ее слов как лист на ветру? Мышка ведь совсем кроха... А как к ее появлению отнеслась Белла Ренатовна? Что если она заметила какое-нибудь сходство?

– О чем ты? – я удивленно на нее посмотрела, чувствуя, как сердце гулко стучит в груди.

Воображение рисовало ужасные картинки, и мне дурно становилось с каждой минутой все больше и больше от мысли, что моя дочь провела весь вечер с незнакомыми ей людьми. И ладно, с Робертом она уже встречалась. Но Лиза? Мама Роберта? Она ведь их никого никогда не видела!

– Оказывается, тут такое было вчера, пока ты в операционной находилась... – подруга закатила глаза. – Я приехала к тебе в больницу перед тем как забрать Сафину от Шалимова, а медсестра с поста хоть и не пропустила к тебе, но за шоколадку рассказала, что двое мужчин, которые были с то-

бой на момент поступления в больницу, устроили скандал, и светленький, это похоже наш Быстров, кричал темненькому, чтобы тот даже близко не приближался к тебе. Чем все закончилось, она не знает, охрана их выгнала на улицу, а твой лечащий врач до утра запретил все посещения и визиты. Но вот они... — она кивнула на букеты в вазе, которые стояли на тумбочке. — Каким-то чудесным образом все же появились в палате. Мистика, правда? Как ты думаешь, какой от Роберта, а какой от Паши?

— Мне все равно! — я на мгновение прикрыла глаза, чувствуя, как пылают мои щеки. — Ты рассказываешь мне ужасные вещи! Хочешь, чтобы я снова лишилась чувств?

— Нет. Быстров, кстати, сейчас в больнице, разговаривает с твоим врачом, и я впервые вижу его таким, Поль... — Алена запнулась, а я посмотрела на нее.

— Каким? — спросила дрожащим голосом.

В памяти были свежи все обоюдные слова, которые мы сказали с Пашей друг другу в машине в порыве эмоций. А еще этот несчастный случай, и непонятные выяснения отношений с Робертом... Неужели он и в самом деле так сильно меня ревновал к Шалимову?

— Потерянным, разбитым. Видно, что он очень переживает. Но Шалимов... — Алена растянула губы в удовлетворенной улыбке. — Кажется, ему плевать на все запреты твоего Паши. И если хочешь знать мое мнение, то я на стороне мужа и его партнеров. У Быстрова вагон времени был! А воз и

нынче там. С Шалимовым такое не прокатит, вот увидишь. К тому же он отец Мышки. Я ставлю на него! И это с ним я разговаривала несколько минут назад. Он, кстати, обещал сегодня тебя навестить...

Я была очень благодарна подруге за поддержку и за то, что они с Каримом присматривали за моей Мышкой, но только зачем Алёнка поддерживала общение с Робертом? Неужели не понимала, чем это все чревато?

– Ты неисправима, понятно? – горько усмехнулась я. – Тебе бы лишь движухи создать, сводница! – я поморщилась, схватившись рукой за больное плечо, когда попыталась сесть удобнее. – Привези вечером Сафину, а? – посмотрела на нее умоляющим взглядом. – Пожалуйста...

– Уверена? Выглядишь ты неважно, – честно сказала она.

– Уверена. Я так испугалась в тот момент... Как представила, что со мной что-нибудь случиться... – вспомнив о страхе и всех своих ощущениях, почувствовала, как по коже побежали неприятные мурашки.

– Ну хорошо, привезу. Катастрофа ты моя ходячая. Как же я рада, что все обошлось! Но когда мне позвонил Шалимов и сказал, что с тобой случилось несчастье... Я чуть сама от страха не потеряла сознание! Знаешь, если бы оказалось что-то серьезное... Наверное, в состоянии аффекта я бы рассказала ему всю правду о вас с Мышкой. В разведку со мной опасно ходить, имей в виду, когда будешь делиться новыми секретами, – Алёна извиняюще улыбнулась, а я тя-

жело вздохнула.

Да, в тот момент, когда произошло несчастье, я четко осознала, что страх за будущее Сафины сильнее всякого стыда и ошибок, которые были допущены в прошлом.

– Хочешь еще один секрет в свою копилку? Вчера, перед тем как отправиться на встречу с Робертом, мы немного повздорили с Пашей. Он сказал мне, что Леся против нашего с ним брака, поэтому наши отношения не двигаются с мертвой точки. В сердцах я выпалила ему, что получила новое место не просто так, а для того, чтобы работала усерднее и не думала о совместном будущем... Мне теперь так стыдно за эти слова! Ведь он столько всего сделал для нас с Мышкой, был рядом в самые трудные времена, а я вот так с ним... Будь Сафина против Паши... Думаю, что тоже попридержала бы коней с браком.

– Ох, нечто такое и следовало ожидать, – поспешно сказала Алёна. – Я сразу догадалась, что дело в его дочке. Пока сам не столкнешься с подобным, глупо рассуждать, как можно обойти острые углы. Сколько ей сейчас? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Семнадцать почти. Школу в этом году заканчивает.

– Да уж... Ситуация... Какие-то зеркальные отношения у тебя вырисовываются с мужчинами: Шалимов хочет, чтобы ты общалась с Дамирой, а Быстров наоборот, чтобы не пересекались с Лесей. Какой-то замкнутый круг, честное слово, – вздохнула Алёна. – Но! В этой ситуации есть и плюсы. Ты как

минимум дней десять будешь находиться в стенах этой комфортабельной палаты, вот и подумаешь, что к чему. Но я бы на твоём месте собралась с духом и рассказала Роберту всю правду. Вот увидишь, не исчезнет он больше из вашей жизни. И к тому же, несмотря на весь свой строгий и серьёзный вид, он производит впечатление адекватного человека...

Договорить с Алёной мы не успели, потому что дверь в палату открылась, а на пороге появился Быстров. Подруга тут же засобиравшись домой. Ободряюще похлопала меня по руке. Затем чмокнула в щеку и, пообещав привезти вечером Мышку, вскочила с места и выпорхнула из палаты, оставляя нас с Пашей одних.

Полина

Быстров молча прошел вглубь палаты и замер в нескольких шагах от кровати. Долго смотрел на меня, прежде чем подойти и сесть на стул. А затем аккуратно взял мою руку, словно боялся причинить боль, и уткнулся в нее лицом. Он прерывисто дышал, и я только сейчас поняла, что имела в виду Алёна, когда говорила, что еще никогда не видела Быстрова таким потерянным и разбитым. Паша словно постарел на десять лет. У него под глазами пролегли черные круги, а сожаление читалось в каждом его движении.

– Девочка моя...

Кожу на ладони обожгло горячим дыханием, а я оказалась совершенно беспомощна и безоружна перед валом своих чувств к нему.

– Как же я испугался за тебя, – шептал он и целовал мою руку, пока мое сердце в груди трепетало и больно сжималось.

Я смотрела на его русые волосы, и мне почему-то хотелось плакать в эту минуту.

– Все же мне нужно было идти с тобой. Это моя вина. Моя глупая затея дать тебе больше, все самое лучшее. И к чему это все привело? Я теперь ни на шаг от тебя не отойду, слышишь?

– Это несчастный случай, Паша... – пробормотала я не в

силах отвести от него глаз. — Это могло произойти абсолютно с любым...

Он шумно вздохнул, а я почувствовала, как камень на душе увеличился в размерах.

— Несчастный случай... — эхом повторил он. — Как только тебя выпишут из больницы, я забираю вас с Сафиной к себе.

— Что? — выдохнула я, не веря своим ушам. — Но как же Леся? — сглотнув огромный ком в горле, спросила я.

Как же все его слова, которые он сказал мне в тот день в машине?

— Ничего. Привыкнет. Я все решил, — твердо произнес он и поднял на меня горящий взгляд. — Поля... — Паша приподнял уголки губ, и посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, что у меня перехватило дыхание. — Как же я испугался за тебя, когда приехал к зданию клиники, а увидел тебя такую хрупкую и маленькую... Без сознания, в карете скорой помощи...

— Паша...

— Тишш... Дай, я скажу, — он прислонил палец к моим губам, а я послушно замолчала. — Я наговорил много лишнего в тот день. В отношениях, где есть чувства, люди обычно находят компромисс, слышат друг друга, и в нашей паре всегда так и было. Я поговорю с Лесей. Постараюсь найти для нее правильные слова. В конце концов, она уже взрослая девочка, должна понять, что ты особенная для меня, что я хочу создать с тобой семью, — с едва уловимыми нотками спокой-

ствия в голосе говорил он, но я чувствовала, как сильно он волновался. Глаза бегали по моему лицу, а руки дрожали. — Все трудности временные, но я обещаю, что буду рядом с тобой и Сафиной.

— Паша... Ты сейчас на эмоциях. И я тоже. Мне не следовало так резко себя вести с тобой в прошлый раз. Но... Давай мы вернемся к этому разговору позже? Пожалуйста... Сейчас мне важно поправиться, вернуться в прежний рабочий ритм, а дальше все решим. Хорошо? Ты говорил, что Леся хочет учиться за границей? Ей осталось несколько месяцев, чтобы закончить школу? Так пусть ребенок спокойно доучится, а потом мы съедемся? Я ведь не тороплю тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.